

ЗОЛОТАЯ ДЕВА

р о м а н

Кому нужна
дочь
миллионера?

АННА И СЕРГЕЙ

ЛИТВИНОВЫ

Анна и Сергей Литвиновы

Золотая дева

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=298442

Золотая дева: Эксмо; Москва; 2010

ISBN 978-5-699-40256-4

Аннотация

Маша Долинина никогда не увлекалась сплетнями о жизни богатых и знаменитых. Но, услышав от своей подруги-журналистки историю о семействе влиятельного бизнесмена Кривцова, она поневоле заинтересовалась. Поздний ребенок Кривцова и его жены Елены – пятилетняя Лиза – якобы обладала экстраординарными способностями. Но сейчас внимание прессы было приковано к ней по другому поводу: в своей комнате нашли убитой Лизину няню, и, по слухам, это дело рук ее малолетней воспитанницы! Маша, давно мечтавшая развить в себе сверхъестественный дар, решила присмотреться к маленькой Лизе и заодно собрать материал для диссертации. Но как простой аспирантке проникнуть в хорошо охраняемый особняк?..

Анна и Сергей Литвиновы

Золотая дева

Все события, описанные в романе, вымышлены, все герои – придуманы. Любое совпадение или сходство с реальностью возможно лишь случайно

В семь утра дом еще спал, и Володин откровенно наслаждался тихим осенним утром, робким шорохом желтых листьев, первыми проблесками солнца... Он любил бывать один. В полной тишине брился, бездумно глядя в осенний сад, смаковал кофе. Короткий отдых перед очередным насыщенным днем. В голове – ни единой мысли, она пустой сосуд...

Дезодорант, свежая рубашка, костюм, галстук, приглаживать волосы – Хозяин не терпит ни малейшей небрежности. И еще одна чашка кофе перед началом неизбежного хаоса. Все, кто работает здесь, давно знают: по утрам его дергать нельзя. Ему обязательно нужен этот час. Время полного, абсолютного уединения.

Дом потихоньку просыпался. За дверью прошелестели шаги – повариха торопилась в кухню. По двору, позевывая, проковылял садовник. Из комнаты горничных робко замурлыкал магнитофон. Всего полчаса осталось до пробуждения шефа. Их маленькое государство готовилось к новому дню.

И вот уже пошли последние пятнадцать минут одиноче-

ства и свободы. Единственное время в сутках, когда Володин, полностью готовый к работе, позволял себе безмятежно откинуться в кресле. Давал мышцам расслабиться, а мыслям – течь, как им вздумается.

И вдруг дверь комнаты скрипнула. Глаз мужчина не открыл. Он знал: сейчас – семь пятьдесят две. У него есть еще восемь минут личного, абсолютно неприкосновенного времени.

– Выйди, – тихо произнес Володин.

Наверняка опять бестолковый Сашка, его подчиненный, явился за сигаретой или пожелать доброго утра.

Но вместо щелчка захлопнувшейся двери он услышал веселый, колокольчиком, смех.

Вздрогнул, открыл глаза. На пороге стояла хозяйская дочка, почти пятилетняя Лиза. В ночной рубашке, волосы растрепаны, босая. С любопытством смотрела на неприступного и строгого «дядю Колю», который сейчас безвольно распластался в кресле, и улыбалась.

Володин поморщился. Медитация перед началом нового дня не удалась. Куда, дьявол ее побери, смотрит няня?

– Что тебе нужно, Лиза? – сухо произнес он.

Девочка промолчала.

– Зачем ты сюда пришла? – повысил голос Николай.

А она беззаботно показала пальчиком на окно. Сказала:

– Ты видел? Береза стала совсем желтая...

Будь Лиза его ребенком – он бы ее отшлепал. Но барскому

отпрыску позволено лишь улыбнуться.

Девочка поежилась. Пришлепала, дурочка, босиком, а теплые полы есть только на хозяйской половине. Здесь, в помещениях персонала, холодная плитка.

– Пошли, – хмуро произнес Володин.

Подхватил Лизу на руки (она не протестовала), прошел через весь дом – в другое крыло, где располагалась детская. Придется пригрозить няньке: если та еще раз упустит ребенка, он однозначно доложит Хозяину.

Лиза сидела на его руках тихо-тихо. И только когда уже почти подошли к ее комнате, прошептала:

– Я боюсь...

– Кого? – натянуто улыбнулся Володин. – Кошечка?

– Нет, – вздохнула девочка. – Настю.

О, что-то новенькое. Насколько знал Володин, Лиза не боялась никого, даже отца. А няню и вовсе не ставила в грош.

– Почему ты ее боишься? – равнодушно спросил Николай.

Девочка сжалась в его руках, ткнулась носом в плечо. Выдохнула:

– Настя меня не любит.

– С чего ты взяла?

– Она не хочет со мной разговаривать... Совсем.

Володин поморщился. Не хватало ему еще за пять минут до встречи с Хозяином выслушивать детские жалобы!

Он торопливо вошел в детскую. Опустил Лизу на незаправленную кровать. Строго велел:

– Укройся и не слезай.

Девчонка послушно юркнула под одеяло.

А Володин распахнул дверь в смежную комнату, где проживала няня, и замер на пороге. Он давно научился управлять своими эмоциями. И видеть в первую очередь главное. И сейчас в глаза ему сразу бросилось восковое, до синевы бледное нянино лицо.

«Мертва», – мгновенно понял мужчина.

* * *

Столько крови Кася не видывала никогда. Вроде бы в человеке ее всего пять литров, но сейчас ей казалось – просто как море какое-то. Простынка с одеялом пропитались насквозь, и даже матрас набух. Смотрелся точь-в-точь как невыжатая губка, если ее в раковине бросишь. И под кровать накапало...

Уж до чего Кася гордилась, что нервы у нее железные, никогда не боялась ни рану перевязать, ни курицу самолично зарезать, а тут затошнило даже. Из-за запаха, что ли? Когда квочке голову рубишь, кровью тоже, конечно, пахнет, но то ощущения мимолетные. А здесь воняло похуже, чем на бойне.

Хотя выглядела мертвая Настька даже красиво. Когда живая была, лицо вечно озабоченное, губы поджаты – словно злится или зуб у нее болит. Сейчас же – физиономия разгла-

женная, мирная. И даже морщинок не видно. А на застывшем лице умиротворенная полуулыбка.

Неужели совсем не больно ей было, когда умирала?.. Кася где-то читала, что, когда кровью истекаешь, вроде и не чувствуешь ничего... Но почему она не кричала, когда ее резали? Раны-то – ужасные. На обеих руках, от основания ладони до локтевого сгиба, – огромные разрезы. Уверенные и сильные, будто делал их профессиональный хирург. Идут наискось, от внешней стороны ладони до внутренней части локтя.

Может, она сама с собой такое сотворила?.. Но ни ножа, ни скальпеля, ни лезвия нигде не валяется. Да Настьке и духу сроду не хватит с собой покончить. И уж тем более не стала бы она себя убивать на глазах у Лизы. Пожалела бы девчонку. А то ведь ребенок в истерике бьется, ни отец, ни мать, никто успокоить ее не может.

Да уж, не зря Кася жаловалась (не всем, конечно, только самым проверенным), что в доме Кривцовых – нечисто, нехорошо. Умные люди это, кажется, энергетикой называют, а у нее в деревне говорили проще: или *ладно* в избе, или – нет. В особняке кривцовском-то и раньше тревожно жилось, маятно, а уж в последние дни атмосфера совсем сгустилась. Будто тучи перед грозой, прямо над головой нависли. Вот и расколосось небо, пролилось. Хоть увольняйся и беги, ей-богу... Но если она сейчас к Хозяину за расчетом сунется, тот совсем взбесится – и без того злой, что в доме толпа постороннего народу, менты, в смысле, и Лизка рыдает. И уж

за месяц отработанный точно не заплатит.

Но только и оставаться здесь теперь страшно. И убирать нянькину комнату, когда заберут тело и снимут все отпечатки, совсем тошно. А каково будет, когда закончится этот бесконечный день и особняк, одиноко стоящий на гектаре лесного участка, снова накроют сумерки?

* * *

Маша Долинина с виду была самой обычной девчонкой. Симпатичная – однако таких миллионы. Стройненькая – но в молодые годы это нетрудно. А что за словом в карман не лезет, так все москвички такие.

Жила она на окраине, училась в аспирантуре (всего-то – пединститута). Машину водила обычную – старенькую «Шкоду», родители подарили. В общем, на первый взгляд совсем все заурядно.

Однако имелись у Маши и изюминки. Целых две.

Во-первых, она давно, уже лет восемь, занималась каратэ. А во-вторых, знала почти все про богатых и знаменитых.

...Идею насчет каратэ ей подкинул папа еще в десятом классе. Маша тогда усиленно готовилась в институт, сидела сутками за учебниками. А когда проводишь долгие часы за письменным столом, постоянно появляется искушение сдобрить скучное занятие то печеньем, то сушечкой. Вот и начала она толстеть, медленно, но верно. Особенно, правда, по

этому поводу не расстраивалась. Надеялась, что поступит в институт – и похудеет.

Но папа, человек мудрый, однажды сказал:

– Смотри, Машка. Набирать килограммы куда легче, чем сбрасывать.

Дочка только вздохнула.

А отец свое гнет:

– И вообще ты ведешь совершенно неправильный образ жизни. На свежем воздухе не бываешь, спортом не занимаешься. Сидишь крючком за столом да грызешь свои сушки. Очень вредно.

– Давай буду гулять целыми днями, – усмехнулась в ответ дочка. – И поступлю вместо института в швейное училище. Ты этого хочешь?

Но отец на провокацию не поддался. Пожал плечами:

– Современный человек успевает все. Потому и фитнес-клубы в Москве в большинстве своем круглосуточные. Успешные люди заняты куда больше, чем ты. Но поддерживать себя в форме тоже успевают.

– Ты хочешь, чтобы я в фитнес-клуб пошла? – ужаснулась Маша. – На аэробику? На йогу?.. Ни за что. Тоска смертная. Толстые тетки тупо машут жирными ногами. Кошмар.

А отец хитро улыбнулся:

– Ну, зачем же сразу на аэробику? Не знаешь, что ли? У нас, рядом с домом, спортивная школа открылась. По каратэ. Преподаватели – все с черными поясами, бог знает с какими

данами, даже и из Китая есть... Ты ведь говорила когда-то: хочу уметь себя защищать.

– Ух ты. Интересно! – оживилась Маша. – Только кто меня туда возьмет? Я уже старая для спорта.

Но отец заверил:

– Школа платная. Так что тебя примут, не волнуйся. Еще и выбирать будешь и время, когда тебе удобней, и тренера – чтобы посимпатичней. А учебе твоей спорт не мешает. Только голова будет лучше соображать...

И Маша попробовала. Заинтересовалась. Оказалась способной... И давно уже сама заработала черный пояс – хотя навыки свои не афишировала. Тренер так учил: зря не болтать.

...А в светскую хронику ее втянула лучшая школьная подруга, Милена. Девчонка она была отличная – бойкая, интересная, веселая. Единственный недостаток – обожала байки из жизни богатых. Часами могла трещать: в каких квартирах известные люди живут, на каких машинах ездят, где отдыхают... Постоянно скупала все, какие ни есть, бульварные газеты и по телевизору обожала репортажи с разнообразных светских приемов.

Ну, и из Маши вытягивала все, что та знала.

А знала Мария многое – сама того не желая. Просто так жизнь сложилась.

Родители у нее до поры до времени были обычными учителями. Папа, правда, заслуженным. А мама – завучем. Пол-

жизни отпахали на государство в столичной общеобразовательной школе, а в конце девяностых решили рискнуть – и открыли частную гимназию. Сами, кажется, не верили, что получится. И до сих пор дрожат, что аккредитации их могут лишить, помещение – отобрать, учеников не найдется... Однако уже десять лет минуло, а гимназия пока цела. И даже популярна. Считается, что математику здесь преподают лучше, чем во всей Москве. И дисциплина на уровне. А также удивительная для нашего времени атмосфера интеллигентности присутствует.

Учились в школе почти сплошь отпрыски артистов, политиков, бизнесменов... И мама с папой постоянно рассказывали дочке про «подвиги» звездных школьников. Что сын известного писателя делает по сорок ошибок в простеньком диктанте. Дочь влиятельного политика застучали: покуривала за углом школы анашу. А один олигарх, когда его в школу вызвали на поведение сына жаловаться, попросил, почти как в анекдоте: «Вы накиньте там за учебу, сколько еще надо сверху, и меня больше не дергайте».

Девочку все эти сплетни занимали мало. Но она слушала – зачем родителей обижать, признаваться, что ей неинтересно? Да и ради Миленки стоило потерпеть – подруга всегда очень радовалась, когда Маша ей «экссклюзив» сливала.

Миленка в итоге всю свою жизнь связала со светской хроникой. Учиться поступила на журфак, а уже с третьего курса начала подрабатывать в бульварной газетке. И теперь уже

сама Маше рассказывала. Что у певца N родился очередной ребенок от поклонницы, а на актера NN завели уголовное дело – за то, что полез с кулаками на мента...

И Маша внимала подруге. Незаметно для себя все с большим интересом. Эти светские истории – они затягивают. Как сигареты. Первая затяжка – из любопытства, первая сигарета – за компанию. А потом и не заметишь, как привыкла... Копаешься в чужом белье с удовольствием. И когда звезды в скверные истории влипают, даже злорадствуешь немного...

А за некоторых переживаешь.

Как, например, за эту девчонку. За Лизу Кривцову. Единственную дочь весьма богатых и влиятельных родителей.

Маша следила за ее необычной судьбой с самого рождения. С самой первой заметки, опубликованной почти пять лет назад:

...Позавчера в Московском центре репродукции человека появилась на свет долгожданная наследница рода Кривцовых. Девочку, по нашим сведениям, назвали Лизой. Ее родители, Макар Миронович и Елена Анатольевна Кривцовы, – хорошо всем известные светские персонажи. Макар Кривцов – успешный бизнесмен, совладелец нефтяной компании, в последнее время активно ударившийся в политику. Его жена Елена – хозяйка и директор нескольких фитнес-клубов. Появления наследника пара ждала давно. Макару Мироновичу сорок шесть, его супруге около сорока. В последние годы ходили упорные слухи, что Кривцовы бесплодны, однако нако-

нец пополнение семейства произошло! Девочка родилась, как сообщает наш источник в роддоме, в срок, с хорошим весом и ростом, роды прошли без осложнений. Однако когда наш корреспондент отправился поздравить от лица редакции и читателей счастливую маму, его в весьма грубой форме попросили удалиться. Не позволила охрана, сопровождавшая Елену Анатольевну, и вручить ей букет во время торжественной процедуры выписки. Госпожа Кривцова покинула родильный дом через служебный вход, и ни ее, ни ребенка нам увидеть не удалось. Что это – обычное суеверие, боязнь сглаза, свойственная даже самым просвещенным родителям? Или же у Кривцовых есть основания скрывать своего ребенка от посторонних взглядов? Главный врач роддома, а также доктор, принимавший роды, от комментариев категорически отказались. Однако нам по неофициальным каналам удалось выяснить: со звездной наследницей, похоже, не все обстоит благополучно. Персоналу роддома наипострожайше, под угрозой немедленного увольнения, запретили распространяться о ситуации, но ходят упорные слухи: Лиза Кривцова родилась не совсем здоровой. Диагноз вашему корреспонденту выяснить не удалось, но одна из сотрудниц роддома, на условиях строгой анонимности, призналась, что на «девочку было страшно смотреть». Остается лишь гадать: каким недугом страдает звездная наследница? У нее – хромосомная аномалия? Поражение нервной системы? Детский церебральный паралич? И почему наш источник ис-

пользовал именно это слово – «страшно»?.. Просто ли о медицинском диагнозе здесь идет речь?!

Маша тогда тоже гадать начала.

Что может быть не так с новорожденной девочкой? Да что угодно! Одних врожденных пороков медицине известно больше тысячи. Вот не повезло людям! Богатые, успешные, далеко не юные. А их первый и единственный ребенок, похоже, родился больным...

Разумеется, газеты не остались равнодушными к появлению у Кривцовых наследницы. Однако никому из журналистов, даже вездесущей Милене, так и не удалось своими глазами увидеть новорожденную. В свет ее не выводили и уж тем более – не устраивали с ней фотосессий. И писаки в итоге пришли к выводу (впрочем, никем официально не подтвержденному), что Лиза Кривцова родилась с синдромом Дауна. Наверно, поэтому малышку и прячут от посторонних глаз. А когда матери за сорок, вероятность рождения «дауна» чуть ли не один к двадцати...

Кривцовы так и не предъявили тусовке свою дочь. Хотя сами на публике появлялись.

Маша регулярно читала: Макар Миронович то посетил в составе российской делегации Южную Осетию... то торжественно перерезал ленточку на открытии детского дома творчества... то вновь избран депутатом... Его жена тоже в светской хронике мелькала частенько и даже несколько раз была замечена в объятиях популярного фигуриста Иго-

ря Илюшина. И своими спортивными клубами она занималась активно: первой в России открыла классы по аквайоге, выступила организатором Международного фестиваля фитнеса...

А полтора года спустя маленькая Лиза вновь привлекла к себе внимание.

Написали о ней в августе 2006 года. Через семь дней после авиакатастрофы, которую сразу назвали крупнейшей в истории российской авиации. Самолет, выполнявший рейс Анапа – Санкт-Петербург, пытался проскочить над грозой, потерял управление и свалился в плоский штопор. Погибли 170 человек – все пассажиры и члены экипажа.

А Лиза и ее мать в той ситуации спаслись. О случившемся сообщали так:

...Нашему корреспонденту удалось выяснить: на разбившийся борт опоздали шесть пассажиров. Двое из них, столичные студенты, банально переборщили с прощальной выпивкой на пляже и явились в аэропорт, когда самолет уже улетел. А еще четверьмя счастливицами оказались известная бизнес-леди Елена Кривцова с малолетней дочерью Елизаветой и сопровождавшие их няня Анастасия Павлючкова, а также охранник Николай Володин. Елена Кривцова – владелица сети фитнес-клубов – вместе с ребенком отдыхала в известном анапском санатории «Луч» и как раз этим рейсом планировала вылететь в Санкт-Петербург, где должна была встретиться со своим супругом Макаром Кривцовым.

Пассажиры явились в аэропорт за полтора часа до вылета, однако на рейс так и не зарегистрировались. По нашим данным, маленькой Лизе Кривцовой вдруг стало плохо. У девочки поднялась температура, она плакала и кричала, что «не хочет в самолет, там будет страшно!». Елена Кривцова вместе с няней тщетно пыталась успокоить ребенка, однако, убедившись, что у девочки действительно жар, а рыдания перешли в истерику, приняла решение остаться в Анапе и обратиться к врачу. Это, как оказалось, спасло им жизнь.

Вот это да! Ну и ребенок! Девочка – что ли, ясновидящая? Омен? Будущая Ванга?

Машу всегда поражали люди, которые действительно что-то *могут*. Не фокусы показывать, как в битве экстрасенсов, а действительно способны творить чудеса. Она и сама иногда пыталась заглядывать в будущее. Полное дилетантство, конечно, но иногда кое-что получалось. Например, подружке Милене предсказала тему сочинения, которая на вступительных будет. Велела особенно тщательно лирику Пушкина проштудировать. На экзамене, правда, «Евгения Онегина» дали, но все равно ведь угадала! К тому же «Онегин» – чем не стихи?.. Ну, и по мелочи иногда срабатывало: не хотелось, допустим, в библиотеку ехать – Маша не ехала. И на следующий день узнавала, что правильно – все равно там санитарный день был.

А уж люди, которые способны предвидеть авиакатастрофу, вызывали у нее самое искреннее восхищение.

Конечно же, Мария немедленно пожелала обсудить ситуацию с Миленой.

Но подруга только вздохнула:

– Да не знаю я, не знаю ничего. Хотя уж давно к этой Лизке подбираюсь... Еще с ее рождения, когда слухи ходили, что она даун...

– А это так?

– Ну, странная она, это точно. А насчет дауна – бог весть, – поморщилась Милена.

– Ты ее видела хоть?

– Да, – кивнула та. – Первый-то год родители ее прятали капитально, а потом вроде расслабились. Кривцова-старшая ребенка с собой и на курорты стала брать, и в санатории возить. Тут уж, сама понимаешь, от журналистов не скроешься.

– Ну, и?

– А что – ну? Дауны – они ведь тоже разные бывают. Есть такие, что сразу видно, а есть с виду почти нормальные. У Лизы этой косоглазия нет. И пальцы на руках не кривые, если тебя внешние признаки интересуют. Но что-то с ней не в порядке, это точно. Какая-то она совсем... на ребенка не похожа. Никогда не бегают, не играет. На пляж ее приводят – сидит, смотрит в одну точку. И так – хоть час, хоть два. И не разговаривает почти. А на личико ничего, даже симпатичная. Глазищи огромные, носик тоненький... А чего ты вдруг заинтересовалась?

– Ну, я ж давно человека ищу, – улыбнулась Маша. – Та-

кого, кто реальные чудеса творить может. Подумать только: авиакатастрофу предсказала!

– Да ничего она не предсказывала! Совпадение просто, – хмыкнула Милена. Но пообещала: – Ладно. Буду ухо остро держать. Если еще чем отличится твоя Лиза – сразу сообщу.

Однако вновь девочка блеснула лишь спустя полтора года.

В Москве проводили Новогодний бал, очередную светскую тусовку. Немного оперы, пара балетных номеров, дамы в вечерних платьях, господа в смокингах... На мероприятие, в числе прочих именитых гостей, пожаловала и госпожа Кривцова. Сопровождали ее маленькая дочь (одетая точно в такое же платье, как мама) и, естественно, няня.

– Я, конечно, все время около них крутилась, ты ж попросила! – рассказывала Милена. – Ну, что тебе сказать... Может, конечно, девчонка и даун – но мозги у нее работают, это факт. Знаешь, прикольно как вышло? Васька, хроникер из «XXX-пресса», их сфоткать попросил. Кривцова, ясный пень, отказываться не стала – «XXX-пресс» на хорошей бумаге выходит, и тираж солидный. Обняла свою дочку, позировает – а малявка от нее все время... не отталкивает, конечно, но как-то отстраняется. И, я слышу, мамашка ей шипит: «Встань ко мне ближе!» А Лиза ей тоже шепотом: «Опять, мамуля, на публику работаешь?»

Маша одобрительно хмыкнула. Милена, вдохновленная поддержкой подруги, продолжила:

– Но не в этом прикол. На том балу новогоднем, ты, на-

верно, слышала, инцидентик случился. У Малыгина, ну, воротилы из «Нефтегаза», охранник скончался. Скоропостижно. Упал – и все. Ну, народ, конечно, засуетился: молодой мужик, здоровенный шкаф – и вдруг без сознания валится. Все вокруг столпились, искусственное дыхание делать пытаются. А Лизка, слышу, в этот момент говорит (я как раз рядом стояла): «Зря весь шум. Он уже умер». Мать на нее, конечно, взвилась: что, мол, пискля, несешь, если не понимаешь ничего? А девчонка спокойно так ей отвечает: «Все я понимаю. У него сердце не выдержало». И знаешь, потом так и объявили: инфаркт.

– Забавно, – протянула Маша. – А девчонке, ты говоришь, всего три года?

– Почти, – кивнула подруга.

– Иные дети в этом возрасте и говорить еще не умеют, – задумчиво произнесла Мария. – Ох, познакомиться бы с этой Лизой!..

– А я б написать о ней хотела, – мечтательно выдохнула Милена. – Представляешь, какая тема?! Растет, мол, наша, родная Ванга, ведьма-колдунья, дочь депутата. Во сенсуха будет!

– Ну, так напиши!

– Да, жаль, нельзя.

– Чего это?

– Депутат Кривцов человек жесткий. Он мириться с тем, что мы в его личную жизнь вторглись, не будет. И если что

вдруг не по нему, в суд обращаться не станет.

– Убьет тебя, что ли?

– Убить не убьет, но добьется, чтоб уволили, точно. А газету может спонсоров лишить. И главнюгу нашего уберет. В общем, неприятностей не оберешься.

– Да, ты права, – кивнула Мария. И задумчиво добавила: – Но хоть бы посмотреть на эту Лизу...

– Ага, – хихикнула подруга. – Подкарауль ее. И в ученицы к ней попросись, к девчонке...

Однако никаких чудес юная Кривцова больше не демонстрировала. И вообще о ней ничего слышно не было – почти два года.

А сегодня Милена позвонила подруге ни свет, ни заря и огорошила ее еще одной новостью: в доме миллионеров при загадочных обстоятельствах ночью погибла Лизина няня. Та, кстати, самая Анастасия Павлючкова, которой когда-то повезло вместе с Лизой не попасть в злополучный самолет. Перерезаны вены на обеих руках, смерть от массивной кровопотери, орудие убийства не найдено, возбуждено уголовное дело, никто пока не задержан.

А Милене поручено провести на эту тему журналистское расследование.

– Что ж. Попробуй, – как можно равнодушнее напутствовала подругу Маша. И с сомнением добавила: – Только вряд ли чего интересного накопишь... Убийство, похоже, бытовое. Вряд ли с ним Лиза связана...

Хотя на самом деле любопытство ее разбирало – дальше некуда.

* * *

Миленка позвонила ей в тот же вечер. Загадочным голосом произнесла:

– Встретиться можем? Я тут про Лизу такое узнала... Хочу с тобой обсудить.

– Давай! – обрадовалась Маша.

Она, правда, планировала сегодня заниматься допоздна. Но ничего, занятия подождут. Да и на ужин дома только сосиски с гречкой. А с Миленой они всегда в ресторанах встречались. Причем платила чаще подруга. Потому что Машиной стипендии едва на «Макдоналдс» хватало.

Мария из-за этого вначале смущалась. А потом поняла: Миленка не просто так ее кормит. За ужином обязательно расскажет, над какой темой сейчас работает, а то и наброски статей показывала, спрашивала мнение подруги. И Мария охотно его высказывала. И даже советовала журналистке, куда двигаться дальше. Так что она у Милены вроде консультанта – работающего за еду. Что ж, когда икрой потчуют всего лишь за то, что своими мыслями делишься, это тоже неплохо.

Вот и сегодня Милена даже не стала ждать, пока подадут закуски, – сразу перешла к делу:

– Короче, слушай. Удалось мне сегодня с горничной пообщаться. Что у Кривцовых работает. Забавная такая девчонка, чуть постарше нас. Все ее Касей зовут. А полное имя – Кассандра, представляешь?

– Тоже, что ли, пророчица? – удивилась Маша.

– Да нет, просто мать у нее выпендрилась, – хихикнула Милена. – Так вот. Прибыла Кассандра в столицу из деревни Селезневка, это где-то на Вологодчине... В институт, конечно, не поступила – но на рынок, там, или в проститутки тоже не пошла. Окончила курсы элитных горничных – целых полгода учиться нужно, между прочим! – ну а потом устроилась к Кривцовым. Очень, кстати, этими своими курсами гордится. Все пыталась мне рассказывать, что только полиролей одних существует десяток видов...

– А как ты с ней познакомилась?

– Вообще-то я секреты профессии не выдаю, – важно улыбнулась подруга. Но все же объяснила: – В магазинчике местном ее подкараулила. Наврала, что сама горничная, только что к их соседям поступила...

– Ты на служанку, конечно, сильно похожа, – фыркнула Маша. – Со своими ногтями длиннющими...

– Вот и Кася меня тоже за эти ногти необразованной деревенщиной обозвала! – расхохоталась подруга. – Но не это суть. Поговорили мы с ней о полиролях, «Комбатах» всяких – а потом я, конечно, про убийство спросила. Мол, видела, что милиция к ним приезжала, зачем – не ведаю. А любо-

пытно ведь! Ну, Кася и выложила мне все. И даже больше, чем я ожидала. Она, оказывается, уже убийцу знает.

– И кто он?

Милена выдержала драматическую паузу.

Маша терпеливо ждала.

А журналистка отправила в рот намазанную черной икрой тарталетку и небрежно закончила:

– Держись крепче и не падай. Лизка.

– Лиза? Убийца?! По-моему, это полный бред, – пожала плечами подруга.

– И по-моему полный, – легко согласилась Милена. – Но читателям, наверно, понравится.

– У Кассандры твоей, конечно, и доказательства есть, – усмехнулась Мария.

– Имеются, – лукаво кивнула журналистка. – Целую сагу мне поведала. Как Лизочке, где-то с месяц назад, котенка подарили. Какого-то элитного, естественно, с родословной и без шерсти совсем. А они ж, коты породистые, не то что обычные васьки. Характеры – сволочней не придумаешь. Вот и голый этот: нет бы проявить к ребенку снисходительность. За хвост себя таскать не давал, гладить – тоже не смей. А однажды вообще девчонку изодрал так, что врача вызывали. Ну, Лизочка и объявила (а Кася подслушала), что кот за этот свой сволочный поступок должен умереть. Все посмеялись, конечно. А папаня своему секретарю поручение дал – чтоб высокопородному новых хозяев подыскивал. Только не

успели кота пристроить – через пару дней сдох. Без видимых на то причин. Так даже и в протоколе вскрытия написали...

– Сильно, – прокомментировала Маша.

– Ну, вот. А с неделю назад, Кася опять же подслушала, Лизонька со своей няней поссорилась. Та ее шапку, что ли, надеть заставляла – а девчонка отказывалась. Ну, раз сказала, что надо, два, три – дите не слушается. Тогда, ясное дело, просто натянула сама ей на голову, завязала и повела во двор. А Лизка психует, вырывается, кричит. Кася говорит, весь дом слышал, как она орала:

– Я тебя тоже убью! Вот увидишь!..

Милена помолчала. И слегка виновато закончила:

– Полная ерунда, конечно... Вот даже и не знаю: писать об этом – или меня на смех поднимут?..

– Бумага, конечно, все стерпит, – задумчиво произнесла Маша. – Но это какая-то очень сомнительная информация. Даже для бульварной газеты. Тем более, ты говоришь, у нее папашка, если что, с потрохами вас сожрет. Я б на твоём месте ещё бы с кем-нибудь из их дома поговорила... В смысле, из obsługi.

А подруга, хотя только что хвасталась, что подход к любому найдёт, вздохнула:

– Да как с ними поговоришь? Сидят за высоченным забором, везде видеореамеры, внутрь, естественно, не войти. Я, чтоб одну эту Касю изловить, весь день на улице проболталась. Замерзла дико...

Маша задумалась. Потом спросила:

– А у Кривцовых прислуга как работает? С проживанием?

– Кася сказала, что да. Они там все из Украины. Три месяца отпахали – потом домой на побывку едут.

– И охранники тоже из Украины?

– Нет, – неуверенно произнесла Милена. – Те, кажется, москвичи...

– Значит, скорее всего, дежурят сутки через двое. И сменяются утром. Вот и поймай кого-нибудь из них. Они, раз охранники, наверняка и поумнее, и знают побольше, чем эта Кася. Да и обаять ты любого мужика можешь.

– Что ж, это мысль... – кивнула подруга. И пожаловалась: – Только неохота! Опять в этот поселок тащиться, ждать неизвестно сколько...

– Ну, тогда про кота пиши, – пожал плечами Маша.

– Ладно, – вздохнула Милена. – Ты права. Засмеют меня с этим котом.

А Машу вдруг осенило, как подобраться к девчонке, которая интересовала ее все больше и больше. Она небрежно спросила у подруги:

– Слушай, вот объясни мне, ты ж в элите специалист. Убили у Кривцовых няню. Уже два дня прошло. А кто сейчас с Лизой сидит? Мама, наверно?

– Да разве матери до того? – фыркнула Милена. – У нее работа, светская жизнь. Агентство по персоналу дежурную няню прислало – на время, пока постоянную не подберут.

Им, буржуям, детьми заниматься некогда.

– А что за агентство по персоналу? Какое-то постоянное?

– Ну да. Оно одно на всю Рублевку. Называется «Идеальная няня». Я туда даже съездить хочу – только легенду себе не могу придумать. А если правду сказать, что я журналистка, – сразу в шею погонят... – вздохнула Милена.

– Ну, и не парься, – пожала плечами Маша. – Толку от этого агентства? От охранников – куда больше узнать можно...

И, конечно, не стала признаваться подруге, что в голове у нее зародился план. Чрезвычайно дерзкий и, наверно, неосуществимый. Однако рискнуть все равно стоило.

Такие уникальные девчонки, как эта Лиза, не каждый день встречаются.

* * *

Олега Пытова Маша знала давно и даже была в него влюблена. Совсем немного. Как в обаятельных «ментов» из телевизора.

Олег когда-то работал опером, но давно уже сменил государственную службу на куда более денежное – и романтическое! – занятие. Ныне он владел детективным агентством «Сыщик. ру» и был, по мнению Маши, настоящим профессионалом. Как Арчи Гудвин. Умный, слегка циничный, с прекрасной спортивной фигурой и загадочным взглядом.

Маше казалось, что Олег ведет какую-то исключитель-

но интересную, полную перестрелок и погонь жизнь. Хотя сам Пытов жаловался, что работа в детективном агентстве сплошная рутинка. Основная масса заказов – выслеживать неверных супругов, искать давно потерянных родственников и даже сбежавших из дому собачек.

Маша познакомилась с Олегом на тренировке по каратэ.

И пусть черного пояса у детектива пока что не было, становиться с ним в спарринг побаивались даже опытные спортсмены. Хоть он и не силен в мао-гири и лоу-киках, спортивной злости сыщику не занимать. Да еще и очень хитро он дрался. Умело косил под новичка, а едва противник расслаблялся – вырубал того единственным сильным ударом.

И суждения у него были смелые, Маше нравились.

Например, Олег уверенно утверждал, что у любого – абсолютно любого! – человека обязательно существует хотя бы одна постыдная тайна. Свой скелет в шкафу. И вопрос лишь в том, насколько тщательно он спрятан.

Маша еще, помнится, в ответ на это заявление улыбнулась. Спросила кокетливо:

– А в моем шкафу скелет найти сможешь?

– Ты где работаешь? – заинтересовался Олег.

– Пока нигде. Окончила педагогический. Учусь в аспирантуре.

Сыщик внимательно взглянул на нее. Пожал плечами. Произнес:

– Ну, у тебя, может, и не найду. Слишком молода. И слишком... невинна... Я имею в виду скелеты серьезных людей. Директоров фирм, политиков, артистов...

– Ну, у них-то – тайн выше крыши! – усмехнулась Мария. – Сама знаю.

И больше к этому разговору они не возвращались.

Но сегодня вечером после тренировки девушка подкараулила Пытова у раздевалки и спросила:

– Олег... Ты можешь проверить для меня... одного человека?

– Проверить – на какой предмет? – спокойно спросил детектив.

– Ну, нельзя ли его на чем-то зацепить...

– Проверить всегда можно, – улыбнулся тот.

– А сколько это будет стоить? – забеспокоилась Маша.

– Для тебя – нисколько, – пожал плечами сыщик.

И достал блокнот:

– Фамилия, имя. Возраст. Прописка. Место работы...

Маша начала с последнего вопроса.

– Место работы – агентство по персоналу «Идеальная няня». Владелица и директор. Возраст – судя по фотографии, лет сорок пять. Зовут Позднякова Евгения Юрьевна. Где живет – не знаю. Наверно, в Москве.

– Хорошо, этого хватит, – кивнул Пытов.

– Но я совсем не уверена, что на нее что-то есть, – предупредила Маша. – Я эту Позднякову в глаза не видела, толь-

ко интервью с ней читала в Интернете. И, судя по нему, она очень правильная тетка. Занудная такая... Законопослушная.

– Не волнуйтесь, девушка, – усмехнулся сыщик. – Практика подсказывает: чем более законопослушным выглядит человек, тем больше у него в заглавнике постыдных поступков.

И мимоходом заинтересовался:

– А что ты с этой Поздняковой не поделила?

– Да говорю ж тебе: я вообще ее не знаю, – вздохнула Маша.

– Зачем тогда под нее копаешь?..

– Не скажу пока ничего, – покачала головой Мария. – Просто нужно – и все. Для дела одного.

Олег не стал ее больше пытаться. Пожал плечами:

– Раз нужно, значит, поищем. Позвони завтра.

* * *

...На этот раз Милена решила выступить в новой роли. Справедливо рассудила, что охранники – порода не только любвеобильная, но и тщеславная. И вряд ли бодигард Кривцова заинтересуется какой-то горничной – пусть и симпатичной. А вот если примерить амплу, допустим, богатой и взыскательной особы... Которая вдруг, до чего же некстати, проколола колесо у своего «Порше Кайена»...

«Порше» у Милены, правда, не было. Но «Мини Купер» –

был. Пусть пятилетка и куплен с рук, но выглядела машинка еще симпатично. Тем более что девушка ее холила, лелеяла и каждую неделю, в любую погоду, возила на мойку.

Вот и затаилась она в половине восьмого утра в квартале от особняка Кривцовых. А когда в три минуты девятого за спиной послышался шум чужого мотора, пулей вылетела из салона и растерянно уставилась на капот.

И автомобиль остановился. И вышел оттуда мужчина. Возраст – в районе полтинника, сам с брюшком, взгляд похотливый. По всем признакам, охранник.

Внимательно оглядел ее грудь, ноги, щедро открытые мини-юбкой, заглянул в глаза. И поинтересовался:

– Чего загораем?

– Да вот... – растерянно произнесла Милена. – Еду – а у меня подвеска стучит. Или кардан. Или глушитель. В общем, какой-то грохот из-под капота...

Интересно, как скоро он найдет гаечный ключ, который она предусмотрительно засунула между двигателем и воздушным фильтром?..

Однако охранник (или кем там мужик был) к ремонту приступать не спешил. Плотноядно оглядел Милену. Промурлыкал:

– Тебя как звать-то, красавица?

– Милена.

– А в наших краях чего потеряла?..

– Дорогу пыталась срезать... А то вся Рублевка стоит... Я

нашла на карте, что здесь вроде объезд есть.

– Ну, это ты махнула. До объезда отсюда километров пять, и все лесом, – пожал плечами мужик. И неохотно велел: – Ладно, открывай капот. Сейчас посмотрим.

– А как он открывается? – растерялась Милена.

В глазах ее спасителя промелькнуло искреннее восхищение. Он пробормотал:

– Нет, ну, бабы! Кто вам только права дает?!

– А нас в автошколе открывать капот не учили, – улыбнулась она.

– Но сейчас-то ты на дороге, – хмыкнул тот.

– А что – на дороге мужчин нет?! – возмутилась Милена.

И через пару минут уже знала, что зовут ее спасителя Сашей и работает он (верно Машка предположила) охранником у Кривцовых, а сейчас только что сменился с дежурства и, вообще-то, ужасно устал и хочет спать, и совсем у него нет желания пачкать руки об ее «Мини Купер».

– Я вас отблагодарю, – поспешно заверила Милена. Облизнула губы и добавила: – Горячо...

...А когда злосчастный ключ был найден («Это слесари на сервисе, наверно, забыли, вот гады!» – возмущалась Милена), Саша, естественно, пригласил ее в ближайшее кафе. Для продолжения знакомства.

А потом и на убийство разговор перешел. Почти сам собой.

(«Это не в вашем поселке позавчера няню убили? А то

смотрю, дома вроде знакомые по телику показывают». – «Ха, в поселке! Это вообще у нас случилось!» – «Да вы что? Расскажите, пожалуйста! Так интересно! Я просто обожаю убийства и всякие такие ужасы!»)

И, конечно, охранник взялся, не жалея ярких красок, повествовать.

И самым удивительным оказалось, что он тоже считал: в смерти няни запросто может быть виновна... малолетка Лиза.

Милена внутренне напряглась. А вслух недоверчиво произнесла:

– Да о чем вы говорите? Я вчера смотрела в «Патруле де-журном». Няню эту, по-моему, ножом убили? Как это могла девчонка сделать? Она, что ли, Геракл какой-то?

– Не Геракл – обычная сопля, – согласился Саша. – Тем более что няню, прежде чем убивать, по затылку шарахнули... Лизке, конечно, это не под силу. Но вот наблюдать за процессом она могла. Запросто. Знаешь, почему я так говорю?

– Не знаю. По телевизору про это не было, – покачала головой Милена.

– Еще бы, – хмыкнул Сашок. – Секретная информация! Но тебе, так и быть, скажу. У няни под рукой Лизину игрушку нашли. Ее котенка любимого. Плюшевого. Тишкой зовут. Весь кровью пропитался...

– Да ладно! – потрясенно произнесла Милена.

– Зуб даю! Его к вещдокам приобщили...

– Занятно... – протянула Милена. – А комната этой няни, ты говоришь, рядом с Лизиной?

– Да. Смежные. Сначала Лизина, а за ней – нянькина.

– А окна были закрыты?

– Ясное дело! – хмыкнул охранник. – У нас везде сплит-системы. К тому же это третий этаж.

– А Лиза ночами крепко спит?

– Няня жаловалась, что нет. Просыпалась по несколько раз за ночь, плакала, что-то страшное ей снилось. Ей даже успокоительные прописывали.

– Значит, она *могла* что-то видеть. Или – слышать.

– Но паники не подняла. А утром совершенно спокойно вышла из комнаты и отправилась жаловаться Володину, ну, это наш старший, что няня ее не любит.

– А менты с Лизой не говорили? – заинтересовалась Милена.

– Да без толку с ней говорить! – пренебрежительно отмахнулся охранник. – Это ж ребенок! У меня вон у самого племянник такой же, как эта Лиза. Сплошные фантазии на уме. Вчера говорит мне: «Я в садике одну девочку убил. Юлю, которая меня обижала. И закопал ее на детской площадке, там, где деревянный домик заброшенный».

– Ужас!

– Обычное дело, – охранник уперся взглядом в безымянный палец ее правой руки без кольца и наставительно закон-

чил: – Своих детей заведешь – сама убедишься.

– А сколько людей в ту ночь было в доме? – перевела разговор Милена.

– Папаша с мамашей, – начал перечислять Саша. – Двое горничных. Повариха. Трое охранников – это вместе со мной. И садовник с женой – но эти во флигеле, на краю участка живут.

– А кто-нибудь посторонний мог в дом попасть?

– Ни в жизнь. По периметру участка четыре видеокамеры. И ночью они все на запись включены. А днем мой сменщик на входе у мониторов сидит. Всех пасет. И тоже никого он не видел...

– А какие-нибудь поставщики продуктов не приходили?

– Этих дальше дежурки на входе не пускают.

– Ремонтники? Сантехники?..

– Тоже нет. Только вечером адвокат Кривцова приезжал, Нуриком зовут. Но он уехал где-то в одиннадцать. Настька еще жива была – они с нашей горничной в кухне болтали... Слушай, а чего ты так прицепилась к этому убийству?.. Ты, может, из милиции?..

– Я что, похожа на милиционера?.. – округлила глаза Милена.

И легонько коснулась своей ногой ноги охранника. Тот, не чинясь, опустил лапищу ей на плечо. Официантка стрельнула в них неодобрительным взглядом. А Милена хрипловато пробормотала: «Какой ты сильный... Сашенька...» И при-

нялась лихорадочно обдумывать еще одну, тоже не самую простую задачу, как бы ей поизящней избавиться от словоохотливого бодигарда.

Ей не терпелось взяться за перо – материала для статьи у нее теперь имелось достаточно.

* * *

«Врет Олег. Ничего он не узнает. Просто невозможно вот так, за день, найти на человека компромат. Тем более на такого, как эта Евгения Юрьевна... Сушеная вобла она, сразу видно, даже по фоткам. Такая и дорогу-то на красный свет никогда не перебежит...»

Однако частный детектив позвонил Маше на следующее же утро. Коротко рапортовал:

– Я нашел, что ты просила. Приезжай в офис.

И Марии сразу стало и радостно, и одновременно очень страшно.

* * *

Агентство «Идеальная няня» располагалось на Рублевке, поближе к богатым работодателям. Занимало офис в симпатичном бизнес-центре, выстроенном всего-то в десятке километров от особняка Кривцовых. Серьезные иномарки на

парковке у входа, тонированные стекла окон, суровые охранники (Маше пришлось предъявить им паспорт).

Когда договаривалась о встрече, она представилась, естественно, просто мамашей, озабоченной поиском достойной няни. И заявила, что желает говорить не с менеджером – только с хозяйкой: «Мне рекомендовали Евгению Юрьевну лично, и я хочу, чтобы моим вопросом занималась непосредственно она». Просьбе секретарша не удивилась – безропотно записала Долинину на прием к начальнице.

...Маша решительно проследовала по мраморному холлу. С равнодушным, как и у всех вокруг, лицом вошла в лифт. Поднялась на пятый этаж... Ох, неплохо устроилось агентство «Идеальная няня»! Одна приемная – метров сорок, с видом на сосновый бор, с дубовым паркетом и кожаными креслами.

– Это вы к Евгении Юрьевне лично? – скептически оглядела ее секретарша.

Как ни старалась Маша себя состарить (волосы собрала в пучок, тонального крема наложила погуще), а, видно, все равно молодо выглядит. Мамашей, конечно, можно хоть в двадцать лет стать, но вот на *богатую* родительницу она явно не тянет. Хотя одеться попыталась солидно, в строгий брючный костюм. Сидел он неплохо, стоил, на взгляд самой девушки, недешево – но далеко не «Гуччи», конечно. И колец на пальцах не сверкало – бриллиантов у Маши попросту не было, а украшать себя для подобного визита бижутерией она

сочла неуместным.

– Евгения Юрьевна пока занята. Присет вас минут через десять, – процедила секретутка. И протянула Маше несколько скрепленных степлером листков. – А вы пока что анкетку заполните.

Мария сердито плюхнулась в кожаное кресло. Какие еще анкеты? Ох, ничего себе! Почти сто вопросов! Возраст ребенка, его кулинарные предпочтения, склонности, любимые игры, состояние здоровья... И о жилье расспрашивают, будто покупать собираются: площадь квартиры/дома? Удаленность от ближайшей станции метро? Наличие/отсутствие у няни отдельной ванной комнаты? Ну, и про няню тоже куча вопросов. Предпочитаемое гражданство? Возраст? Семейное положение? Обязательно ли наличие загранпаспорта, прав? Требуется ли знание иностранных языков и каких? А про уровень зарплаты – вообще смех. Самый минимальный – 1500 долларов в месяц (при условии неполной занятости). А верхний предел – 10 000 и выше. Что ж она, Мария, раньше даже в расчет не брала подобную работу? Не диссертацию надо писать – а в няни податься для богатеньких детишек. А что – образование у нее подходящее, языки знает, права имеются, и гражданство, естественно, российское...

– Вам ручку дать? – прервала Машины размышления докучливая секретарша.

– Нет, спасибо, – покачала головой Долинина.

И швырнула листочки обратно на секретарскую стойку.

Со значением произнесла:

– Я вам уже говорила: все свои требования я выскажу непосредственно Евгении Юрьевне.

– Что ж... – нахальная девица неожиданно растерялась. – Тогда проходите.

Не занята начальница, значит. А *маринование* в приемной – обычный прессинг.

Маша очень не любила, когда ее прессуют. Если на тренировке по каратэ кто-то пробовал – сразу наносила ответный удар.

Что ж. С ходу, с порога, и начнем.

Долинина уверенно приблизилась к начальственному столу. Хмуро взглянула на хозяйку кабинета. Без приглашения плюхнулась в кресло.

И тихо произнесла:

– Евгения Юрьевна, я по поводу вашего сына.

Признаться, она очень боялась, что Позднякова мгновенно вскипит. Выкрикнет: «А кто ты такая?.. И что тебе до него?!»

Однако она сразу побледнела:

– А что? Что с ним случилось?..

– Да случилось-то с ним уже давно, – со значением произнесла Мария. И выдала следующую, заранее заготовленную фразу: – Неужели он уже забыл ту девчонку? Не снится она ему, не преследует его в кошмарах?..

Хозяйка агентства закаменела лицом. Прощедила:

– Я не понимаю, о чем вы говорите.

– Да все вы прекрасно понимаете, – пожала плечами Маша. – Те деньги, что вы заплатили, конечно, оказались ее семье немалым подспорьем. Но дочку-то все равно не вернешь.

...Про Кирилла Позднякова, восемнадцатилетнего сына Евгении Юрьевны, Маше рассказал частный детектив Олег.

Юный оболтус полгода назад на машине матери сбил школьницу. Насмерть. И с места происшествия скрылся. А с автомобиля (чтобы уж наверняка не нашли!) снял номера. Естественно, искали его недолго – свидетели имелись: кто-то запомнил марку машины, другой человек – несколько цифр номера. И на следующий же день парню предъявили обвинение в убийстве по неосторожности плюс отягчающие обстоятельства – оставление места ДТП и неоказание помощи потерпевшей. Улик против него оказалось достаточно: девочка, утверждали очевидцы, шла по пешеходному переходу и на зеленый свет. Парню грозило не только лишение прав, но и приличный срок. Однако вскоре уголовное дело начало рассыпаться буквально на глазах. Вдруг выяснилось, что машина – сбившая человека насмерть! – двигалась со скоростью всего-то двадцать два километра в час, о чем неумолимо свидетельствовали данные экспертизы. Да и новые свидетели появились – эти утверждали, что девчонка вовсе и не по переходу шла и вдобавок была нетрезвой (это четырнадцатилетняя-то отличница!). А двое маститых психиатров подписали заключение, что Кирилл уехал с места аварии, пото-

му что имели место шок, состояние аффекта и парень просто не мог отдавать отчета в своих действиях. Да еще и родители жертвы выступили с просьбой о снисхождении к человеку, убившему их дочь...

В итоге Кирилл отделался всего-то штрафом.

И то, что его мать приложила все свои силы и связи, чтоб вытащить сына, дело естественное. Маша ее даже не осуждала. Натвори такое ее собственный ребенок – все равно б кинулась спасать. И очень чисто по-человечески неприятно – снова берeditь раны несчастной женщины. Но... У нее свои цели.

...Хозяйка агентства тяжело откинулась на спинку кресла, отчаянно выдохнула:

– Ее родители, они что... Хотят подать новый иск?..

«Даже не спросила, кто я такая! И с какой стати к ней явилась!!» – возликовала про себя Мария.

И твердо произнесла:

– Да. Хотят. И у вас есть единственный шанс этого не допустить.

– Какой? – с готовностью откликнулась Позднякова.

– Выполнить то, о чем я вас попрошу.

Евгения Юрьевна ошалело посмотрела на нее – а потом вдруг истерически рассмеялась. И, захлебываясь в неестественном смехе, забормотала:

– Милая девушка! Вы что... меня шантажируете?.. Но с какой стати... с какой стати я должна вам верить?..

– Можете не верить, – пожала плечами Маша. – В таком случае я просто уйду. Но уже завтра уголовное дело против вашего сына будет возобновлено. Поверьте: у меня есть такие возможности.

– Да кто вы такая?..

– Считайте меня просто... человеком, которому небезразлична гибель ни в чем не повинной школьницы.

– Вам нужны деньги? – с легким презрением спросила Позднякова.

Маша усмехнулась:

– Нет. Мне нужна помощь совершенно иного рода. Можно сказать, по вашему профилю. Это ведь ваше агентство ищет сейчас для Кривцовых новую няню?

И может быть, Мария ошиблась, но по лицу женщины снова промелькнула тень страха.

– Я не понимаю... при чем здесь это... – забормотала она.

– Я хочу, чтобы Кривцовы выбрали на эту работу меня, – твердо произнесла Маша. – И мне не интересно, каким образом вы это сделаете. Ясно?

– Но...

– Никаких «но», – отрезала Долинина. – Или я устраиваюсь по официальному контракту к ним на работу – или уголовное дело в отношении вашего сына вновь откроют. Выбирайте.

Она почти праздновала победу.

Однако Евгения Юрьевна ответила ей презрительным

взглядом. И ледяным тоном произнесла:

– Прочь.

У Маши все внутри оборвалось, однако она попыталась сохранить лицо. Прощемила:

– Вы хорошо подумали?

– Мне с вами не о чем говорить, – отрезала Позднякова и вдавила кнопку интеркома. Приказала мгновенно откликнувшейся секретарше: – Проводите посетительницу.

План не сработал.

Но сдаваться Мария не собиралась.

Она вышла из офиса и немедленно позвонила Олегу Пытову.

* * *

На этот раз пришлось раскошелиться, и в офис детектива Долинина принесла несколько бутылок хорошего красного вина (ничего крепче сыщик не пил, полагая, что водка и прочие коньяки туманят мозг), а также ассорти из французских сыров.

Олег встретил ее весело:

– Ну, что, шантажистка? Обломали тебя?

– Ага, – вздохнула Мария. – Сначала-то Позднякова испугалась, просто позеленела вся... А потом, видно, отдышалась. Подумала, просчитала. Поняла: откуда у девчонки такие возможности – уголовные дела возобновлять?..

– Я б тоже тебя послал. Еще с порога, – кивнул Олег.

– А что мне делать? – растерянно произнесла Маша.

– Диссертацию свою писать, – хохотнул сыщик. – И не лезть туда, в чем не разбираешься.

– Но мне нужно!.. Мне действительно это нужно! – в отчаянии выкрикнула Маша.

– Что тебе нужно? – он пытливо взглянул на нее.

И Маша отчетливо поняла (впрочем, она и раньше об этом догадывалась): Олег не выносит, когда его используют втемную. И, если просить сыщика о помощи, надо раскрывать свои планы. Хотя бы частично...

И Маша пробормотала:

– Ты, конечно, слышал про Лизу Кривцову?

Сыщик кивнул.

– Так вот. Мне очень, просто до зарезу, надо устроиться к ней няней. И помочь мне может только эта вобла Позднякова.

– Интересный поворот карьеры... – усмехнулся сыщик.

Маша продолжила:

– Я сейчас все тебе объясню. Помнишь, нам тренер рассказывал, в чем наивысшее искусство бойца?

– Избежать драки?

– Не только. А еще сразу до боя понять: победишь ты соперника или проиграешь. – Она улыбнулась и доверительно добавила: – Я почему, например, с тобой никогда в спарринг не становлюсь? Потому что знаю: ты – сильнее. Не по техни-

ке – у тебя внутренняя сила какая-то...

Олег покровительственно улыбнулся:

– Что ж, тут ты права. Но при чем здесь Лиза Кривцова?

– При том. Я чувствую, что она хотя и девчонка, но сила у нее – исключительная. Поле. Магнетизм. Как угодно это назови. Ведь ей еще двух лет не было, когда она авиакатастрофу предсказала! Никто из пассажиров ничего не почувствовал. И все погибли. А она выжила и мать свою спасла и няню... Вот я и хочу, только не смейся, поучиться этому у нее.

– Ты серьезно?

– Абсолютно.

– Ты сумасшедшая...

– Пусть так. – Маша вздохнула. – Да и все равно ничего не вышло. Позднякова меня теперь и близко к Лизе не подпустит...

– Не умеешь шантажировать – не берись.

– Ну помоги мне! Пожалуйста!

– Да как я могу тебе помочь? – развел руками Олег.

– Ну... допустим, мента найди... что когда-то вел дело сына Поздняковой... Вот пусть он ей и позвонит... Тоже припугнет...

– Это нереально, – отрезал сыщик.

– А если просто узнать его фамилию и сыграть? Сыграть этого мента? У тебя бы получилось, сто процентов! – не отставала Мария.

Олег с сомнением взглянул на нее:

– На мой взгляд, затея бессмысленная. И довольно опасная.

– Но как еще мне познакомиться с этой Лизой? – выкрикнула Мария.

Сыщик метнул взгляд на бутылки с вином, уставившие его стол. Потом – на свою собеседницу. Пробормотал:

– Ох, Машка... Если б я тебя не знал столько лет... и не уважал бы – как спортсменку, как человека... Ладно. Не обещаю, но попробую. Сиди пока тихо, не высовывайся. Если что, Позднякова сама тебя найдет.

* * *

Шансы на успех Маша расценивала как один к ста.

Однако Олег оказался действительно серьезным человеком.

Уже на следующий день Марии позвонили из агентства «Идеальная няня». И велели явиться на собеседование.

Евгения Юрьевна встретила ее в своем кабинете. Предложила присесть. С минуту внимательно разглядывала. А затем с усмешкой спросила:

– Итак, вы хотите работать у Кривцовых. Заявляю вам сразу: к няням подобного ранга предъявляются весьма суровые требования. И если вы им не соответствуете – все ваши старания окажутся тщетными.

– Я соответствую, – самонадеянно откликнулась Мария.

– Что ж, давайте проверим, – сухо произнесла Позднякова. – Будьте добры – ваш паспорт.

Маша нахмурилась.

– Без этого не обойтись, – пожала плечами хозяйка кабинета. – Мы всегда предъявляем работодателю ксерокопию документа. А также заключение из милиции, что паспорт подлинный.

Ох, совсем получается глупо... Но что остается делать?

После секундного замешательства Маша протянула своей, возможно, будущей *начальнице* документ. Евгения Юрьевна быстро пролистала паспорт. Проще всего:

– Та-ак... Гражданство, прописка – все это хорошо, конечно. Возраст маловат для няни, но не критично. А что у нас с мужем? И детей, получается, тоже нет?!

– Вы о чем? – опешила Мария.

А хозяйка агентства назидательно произнесла:

– Если у няни нет собственных отпрысков, к ней относятся настороженно. По крайней мере, в приличных семьях...

Напряжение в груди спало, Маша слегка расслабилась.

Пошутила:

– Все у вас не как у людей. Обычно начальники бездетным только рады.

Евгения Юрьевна не улыбнулась. И совсем уже ледяным тоном произнесла:

– Держите свой юмор при себе.

Встретила возмущенный взгляд Долининой и спокойно

добавила:

– Одна подобная шутка на собеседовании с Кривцовыми – и места вам не видать. Хотите у них работать – играйте по их правилам.

У Марии мелькнуло: «Зачем я во все это ввязалась?..»

А хозяйка агентства продолжила:

– Так, поехали дальше. Что у нас с образованием?

– Московский педагогический институт, факультет дошкольного воспитания, диплом с отличием. Сейчас учусь там же, в аспирантуре.

Обычно людей ее «педик» не впечатлял – однако Евгения Юрьевна взглянула с уважением. Пробормотала:

– Годится. Только обязательно принесете мне копию диплома. И справку из аспирантуры. Теперь языки. Знаете?

– Да. Английский, немецкий.

– Дальше. С методиками Монтессори, Зайцева знакомы?

– Ну-у, в общих чертах, – вздохнула Маша. – У нас в институте к ним относятся снисходительно...

И снова встретила неодобрительный взгляд Евгении Юрьевны.

– Мария Николаевна, повторяю еще раз. Няня может отвечать только: «нет» и «да». Ну, или в крайнем случае: «Изучаю в настоящее время». Никакого неформального, а лучше – снисходительного тона. Вы должны принять и запомнить одно: главные в доме – хозяйева. Они желают, чтобы их детей развивали по методике Монтессори. А тех, кто не согласен,

они даже не трудятся ставить на место – просто выгоняют. Руководствуются при этом пословицей... догадаетесь какой?

– Если ты такой умный – почему такой бедный?

– Совершенно верно, – кивнула женщина. – Вы неглупы. Но, кстати, об уме. Я категорически рекомендую забыть пока про все ваше аналитическое мышление. Потому что хорошая няня слишком умной быть не может, иначе контакта с воспитанником у нее не возникнет. Она должна думать как ребенок. Чувствовать – как ребенок. И никаких полутонув. Золушка – хорошая. Ее мачеха – злая. Кстати. Почему Золушке дали именно такое прозвище?..

– Ну... – Маша всерьез задумалась над ответом. – Может быть, потому, что она после работы у очага грелась? Отчего и платье было золой испачкано?

– Молодец, угадала, – впервые улыбнулась Евгения Юрьевна. – А про Гензеля и Гретель рассказать сможете?

– Там... кажется, какой-то домик сладкий был... из пряников...

– Негусто, – вздохнула собеседница. – «Гензель и Гретель», между прочим, любимая Лизина сказка.

«Хорошо, я ознакомлюсь с литературой», – едва не вырвалось у Маши. Но, вспомнив уже преподанные уроки, она покорно произнесла:

– Я обязательно перечитаю ее. И все остальные сказки, которые любит Лиза.

Евгения Юрьевна одобрительно кивнула. Вновь склони-

лась над листками анкеты:

– Так... машину, конечно, вы водите, это плюс. А что у нас с кулинарией?

– Но разве... в таких домах не повар готовит? – удивилась Маша.

– Его обязанности завтрак, обед и ужин, – усмехнулась Позднякова. – А Лиза в любой момент может попросить гоголь-моголь. Или сырников. Или оладий. И их уже должна приготовить няня.

– С этим я справлюсь, – заверила Долинина.

Она проникалась все большим уважением к этой женщине. Интересно, Позднякова держит в голове любимые сказки и блюда всех своих юных клиентов? Или только особо влиятельных – к коим, безусловно, принадлежит Лиза Кривцова?

– И еще. – Евгения Юрьевна обратила на нее пристальный взор. – Хочу вас сразу предупредить. Лиза очень ранимый, тонко чувствующий ребенок. Чрезвычайно замкнута. Упряма. И если вы ей не понравитесь – не родителям, лично ей, – я вам ничем помочь не смогу.

– Я поняла... – кивнула Маша.

– Что ж. Тогда ждите. Если Кривцовы согласятся вас посмотреть – вам позвонят.

А Мария малодушно подумала: «Ох, что-то страшно! Лучше бы они меня и не взяли!...»

Однако через пару дней она уже ехала на новую работу.

Маша явилась в дом Кривцовых к семи утра.

Дверь ей открыла сонная горничная – пожилая, лет шестидесяти. Серdito спросила: «Чего трезвонишь?»

Долинина улыбнулась. Представилась:

– Я новая няня.

Служанка посторонилась. Буркнула:

– Проходи.

И исчезла. Досыпать, видно, убежала.

Маша осталась одна в огромном холле и, конечно, растерялась. Надо ли разуваться прямо здесь? И куда девать мокрый плащ? Она хоть и приехала на машине, а все равно промокла. Ее предупредили, что парковаться у крыльца позволено лишь хозяину с хозяйкой. Вот и пришлось оставить машину на специальной площадке у ограды, а потом ковылять метров триста пешком. В первый раз интересно, конечно: по пути и дом как следует рассмотрела, и на грустные мраморные статуи в саду любовалась. Но каждый раз мокнуть, только чтобы не осквернять своей скромной «Шкодой» фасад господского дома?!

«Ничего. Переживу», – успокоила себя Маша. В конце концов, в их институте парковочные места тоже по ранжиру. Декан ставит машину у входа, преподаватели – под окнами. А для студентов всего десять мест у забора, и то за них по-

стоянная драка.

Маша уже знала, что ее подопечная Лиза просыпается около восьми. И, пока ехала, целый план составила, что нужно узнать за оставшийся до пробуждения девочки час. Выяснить, где кухня, где хранится одежда ребенка, его игрушки. И у кого-нибудь обязательно спросить, как малышка проводит первые минуты после пробуждения. Собственный опыт тут не подсказчик. Сама Маша, будучи ребенком, первым делом по утрам в комнату родителей бежала. И, невзирая на их шуточные протесты, прыгала в постель, забиралась между папой и мамой, грела босые ноги под их общим теплым одеялом... Но вряд ли в семье Кривцовых существует подобная традиция. Супруги, кажется, вообще в отдельных спальнях спят. И, как поведала наставница из «Идеальной няни», по утрам всегда торопятся на работу, а задача няни – сделать так, чтобы ребенок их не отвлекал.

Но только у кого же здесь что выяснять? Горничная сбегала, хозяйева ее не встретили. А отправляться самой в Лизину спальню тоже стремно. Сон у детей чуткий. Вдруг проснется, увидит Машу, чужого человека, испугается, начнет плакать. А первый контакт – он самый важный...

«Странно вообще-то, – начала злиться Долинина. – В дом новый человек пришел, а всем плевать...»

Что ж. Придется разбираться самой.

Маша сняла плащ, переобулась в спортивные тапочки, пристроила свои вещи в шкаф, решительно проследовала че-

рез холл и отворила первую же дверь.

Картина ей открылась удивительная. Комната, не очень большая, площадью метров двадцать, оказалась абсолютно белой. Мраморный пол, обои цвета первого снега, нежная кожа кресел... А у стены напротив двери ярко полыхает камин. Красное и белое. Красивый, хотя и немного тревожный, контраст.

Подле огня, весело лижущего поленья, на ослепительном диване восседала Кривцова – в халате. Разумеется, тоже белом. Ноги – босые. На коленях – стопка бумаг. Подле столик, сервированный к завтраку: все очень правильное и полезное – мюсли, резанные фрукты, мягкий сыр.

И Маша еле удержалась от счастливой ухмылки: она все же сделала это! Проникла в дом миллионеров!

Однако Кривцова на нее даже не взглянула. Махнула на кресло рядом с собой:

– Садитесь пока. Я сейчас...

И снова погрузилась в свои бумаги. Правой рукой сердито что-то черкала в тексте, левой – бросала в рот орешки, запивала их кофе.

Абсолютная отстраненность. Собственная, давно отлаженная жизнь. И какая-то няня в ней всего лишь досадная помеха, на которую приходится тратить собственное драгоценное время. Нет, не так, совсем не так Маша представляла их встречу...

«Будто для фотографа позирует, – пронеслось у нее в го-

лове. – Фотосессия для глянцевого журнала... Тема: утро бизнес-леди. Идея – Кривцова прекрасна всегда. Даже без макияжа и в халате...»

Марии стало грустно. На прием с цветами и шампанским, конечно, она не рассчитывала, но хоть бы на секунду от своих бумаг эта дама оторвалась. Посмотрела, поздоровалась. Нет – вся в работе...

И Маша осторожно произнесла:

– Простите, Елена Анатольевна... Но мне, наверно, уже пора идти к вашей дочке?..

Кривцова вскинула на нее озабоченный взгляд:

– Что? А, ты про Лизу...

Мельком взглянула на часы, нахмурилась, пробормотала: «Черт, ничего не успеваю...» Снова метнула взгляд в свою писанину, быстро спросила:

– Инструктора, стажированные за рубежом... Так можно сказать?

«Как, интересно, лучше ответить? «Вам виднее»?»

– Ну, лучше сказать «прошедшие стажировку». Или – «стажировавшиеся», – все-таки поправила Маша.

– Точно! – улыбнулась Елена Анатольевна. И пожаловалась: – Вроде русский язык знаю, но с утра совсем не сообщаю...

Внесла в текст очередное исправление и с видимой неохотой отложила документ. Сделала глоток кофе, внимательно уставилась на Марию.

Сердце у той заколотилась.

Кривцова вдруг велела – абсолютно не смущаясь:

– Рукавчик закатайте.

– Зачем? – опешила Маша.

– Да кажется мне, вы из наших... – загадочно произнесла хозяйка. И поторопила: – Ну? Только высоко, до плеча!..

Маша пожалала плечами и повиновалась. Однако Елену Анатольевну, оказалось, интересуют вовсе не ее вены. Кривцова легонько коснулась пальцами предплечья няни и удовлетворенно произнесла:

– Так я и думала. Форма идеальная. Тренируетесь?

Ах, ну да! У Кривцовой ведь самое главное в жизни – это фитнес.

Маша кивнула:

– Да.

– Чем занимаетесь? Где? – продолжала допрос Елена.

– В спортивной школе. Каратэ-до.

Зачем скрывать очевидное?

– Странный выбор вида спорта для няни, – мгновенно сказала Кривцова.

– А по-моему, очень естественный, – осмелилась возразить Долинина. И объяснила: – Я хочу лицензию получить. Чтоб не просто няней, но еще и охранником работать. Сейчас на это большой спрос.

– Что ж. Вы умны и честолюбивы. Это хорошо, – задумчиво произнесла Елена Анатольевна. И прибавила: – Но во-

обще я не понимаю. Зачем молодой, симпатичной, успешной москвичке гробить жизнь в няньках? Перспективы никакой. Зарплата несерьезная...

«Разве я могу сказать тебе правду?..»

И Маша осторожно ответила:

– Мне просто очень нравится работать с детьми. Я поэтому и в педагогический поступала...

– Нравится подтирать попу? – недоверчиво произнесла Кривцова. – Бесконечно читать одни и те же книжки? Сносить постоянные капризы?

– Ну а как без этого! – улыбнулась Маша. – Зато очень интересно детей новому учить. И самой каждый день узнавать от них что-то новое.

– Никогда этого не понимала, – пожала плечами хозяйка дома. – Ну, часик повозиться – конечно, да. Но все эти бессмысленные вопросы... «А почему дождь? Почему снег? Зачем после вечера ночь?» Я просто с ума схожу.

– Мне тоже иногда хочется ответить – «по кочану», – призналась Маша. – Но я научилась сдерживаться.

«А ты детей, похоже, просто не любишь. Жаль...»

– Что ж. Завидую, – вздохнула Кривцова.

Решительно отодвинула кофейную чашку, поднялась. Мария успела отметить: тело у нее – идеальное, тренированное, какие там сорок три – от силы лет тридцать дашь. Как всегда и бывает, коли живешь для себя, а не гробишь жизнь на детей...

– Ладно, пошли, – скомандовала хозяйка. – Познакомлю тебя с Лизой и все покажу... – И слегка виновато добавила: – Если что не успею – горничных потом спросишь. А то у меня важная встреча, уже в девять...

И, пока поднимались по лестнице, продолжала вещать – торопливо, будто оправдываясь. Что она сейчас открывает очередной спортивный клуб, уже восьмой по счету, и дело это страшно хлопотное. Налоговая зверствует, в договоре аренды миллион подводхов, да еще и новые правила появились, что все инструкторы обязательно должны специальные сертификаты иметь. А заместителя толкового нет, все вопросы приходится самой решать.

– Кручусь, короче, сутками, ни мужа, ни Лизу совсем не вижу...

«И совсем от этого не страдаешь, – отметила про себя Маша. – Тебе явно работать куда интересней, чем детей нянчить».

Уж на что хозяйка гармонично смотрелась у камина, с договором в руках, а в Лизиной комнате сразу как-то потерялась, поникла. Метнула взгляд на постель (девочка крепко спала), вздохнула, кажется, с облегчением. Подвела Марию к платяному шкафу:

– Вот тут, в верхнем ящике, колготки... Свитера – кажется, ниже. А, нет, здесь брючки, где юбки – не знаю. Обувь в нижней секции. Ну а во всех остальных шкафах игрушки, естественно. Какие где – понятия не имею. Лиза покажет.

«Интересно, ты свою дочку хотя бы одеть сумеешь – если понадобится?» – иронически подумала Маша.

Кривцова вновь сверилась с золотыми часами на запястье. Пробормотала: «Мой бог, начало девятого... Так я опоздаю».

И решительно двинулась к Лизиной кровати.

Неужели разбудит?

К счастью, Лиза проснулась сама. Села в кроватке, сонно прищурилась, потерла ладошкой глаза. «Совсем худенькая, беззащитная, – отметила Маша. – И пижамка самая обычная – у меня в детстве почти такая же была...»

И еще она почувствовала: воздух в комнате будто сразу наэлектризовался. Вот оно. Поле. Магнетизм... Похоже, не ошиблась она по поводу Лизы.

Долинина, хотя и окончила факультет дошкольного воспитания, с детьми общалась только в детском саду, когда практику проходили. Но интуиция подсказывала: сейчас мама малышку должна приласкать, прижать к себе... Однако Кривцова лишь сухо, деловито произнесла:

– Просыпайся, пожалуйста, быстрее. Я спешу.

И девочка сразу сникла. Спустила ножки с кровати, покорно произнесла:

– Я уже встаю, мама.

– Давай. Надевай тапки, халат, – продолжала командовать хозяйка. – И подходи познакомиться. Это Мария Николаевна, твоя новая няня.

– Что, опять?! – сморщилась малышка.

Скептически оглядела Долинину. И твердо произнесла:

– Она мне не нравится. Пусть уходит.

– Лиза! – голос хозяйки заледенел.

– Между прочим, папа сказал, – продолжала капризничать девочка, – что разрешит мне самой няню выбирать. И обещал на этот, как его... кастинг сводить. В агентство.

«И вовсе она не вредничает. Просто борется, как может, за мамино внимание, за ее любовь...» – пронеслось в голове у Маши.

Однако Кривцова презрительно бросила:

– Ну, папа твой много чего обещает. Только делать все равно приходится мне.

Она обратилась теперь уже к Марии:

– Три дня его просила каждый вечер: посмотри хотя бы анкеты! А он: да. Конечно. Обязательно. Ну а в итоге: бери первого, кого Евгения Юрьевна предложит... У нее опыт огромный, плохой няни не посоветует.

«Очень для меня кстати, что все Поздняковой доверили», – заметила про себя Маша.

И попробовала перехватить инициативу. Подошла к Лизиной кровати. Улыбнулась ей. Как можно мягче произнесла:

– Привет.

И попыталась настроиться на Лизину волну. *Убедить* девочку: она – ее друг.

Однако барская дочка лишь метнула на Марию неприязненный взгляд и буркнула:

– Отвали.

– Господи, Лиза, ты опять за свое?! – простонала Кривцова.

– Не надо за меня ничего решать, – упрямо произнесла малявка. – Папа сказал, что я сама себе няню выберу, – пусть так и будет.

Вид решительный, хмурый – только губы уже дрожат. Явно сейчас расплачется.

А еще, почувствовала Долинина, в комнате озоном запахло, как перед грозой.

Да. Необычный ребенок.

Маша небрежно произнесла:

– А папа тебя и не обманул. Я ведь к тебе не навсегда пришла – только на пробный день. Сегодня побуду с тобой до вечера. И, если тебе не понравится, завтра уже не приду.

Кривцова метнула на нее благодарный взгляд. А Лиза недоверчиво спросила:

– Честно?

– Честнее не бывает, – заверила Долинина.

– Но ты тогда и вещи свои в дом не приноси, – строго произнесла девочка. – Если я разрешу – заселишься завтра.

– Хорошо. Как скажешь. – Маша решила не спорить.

Ее сумка все равно пока осталась в багажнике.

– Ну, значит, договорились, – с облегчением сказала

Кривцова. – Все, Лиза. Веди себя хорошо, слушайся Марию Николаевну. А я побежала...

И она стремительно покинула комнату. Лиза, внимательно глядя на няню, скинула свой халатик прямо на пол. Тапки поместила поверх одеяла. Нырнула обратно в постель. И строго велела Маше:

– Подойди.

И так забавны были начальственные интонации в тонком детском голоске, что няня не удержалась – фыркнула.

– Ты чего смеешься? – сердито спросила девчужка.

– Да командуешь ты хорошо. Почти как мама, – похвалила Маша.

И наконец увидела улыбку на сосредоточенном детском лице.

– Ха, мама! – усмехнулась девчонка. – Ты бы послушала, как папа умеет кричать!

«А я-то голову ломала – чем, интересно, хвастаются дети, у которых есть все?» – подумала Мария.

И она спокойно произнесла:

– Скажи, Лиза, у тебя личная горничная есть?

– У нас их две – Кася и Верка, – охотно ответила девчонка.

– Кася и Вера, насколько я знаю, следят за порядком во всем доме, – пожала плечами Долинина. – А есть кто-то, чтобы лично за тобой одежду с пола подбирать?

– Ну... Настя подбирала, – насупилась малявка.

Однако личико зарделось румянцем, и Маша сразу поня-

ла: врет.

Долинина легко подхватила с пола Лизин халат. Тапки, наоборот, сбросила на ковер. И веско произнесла:

– Я тоже уберу за тобой. Но в первый и единственный раз. Ты же не инвалид, верно?

– А кто такой инвалид? – заинтересовалась девица.

– Тот, у кого, допустим, ноги не гнутся, чтобы присесть. Или ручки слабенькие. Не могут халат удержать.

– Не, у меня все гнется! – сообщила Лиза. – Я даже на шпагат почти умею садиться...

– Ну, раз на шпагат умеешь – значит, складывать одежду у тебя точно получится, – улыбнулась няня.

На душе у Марии полегчало: первый раунд, похоже, она выиграла легко.

Однако рано она радовалась. Потому что Лиза вдруг внимательно взглянула на свою новую няню и велела:

– Расскажи мне про Тишку.

– Про кого? – едва не поперхнулась Мария.

– Про Тишку. Моего игрушечного котенка, – нетерпеливо повторила Лиза. – Где он, что с ним? Ты знаешь.

– С чего ты решила, что я знаю? – медленно произнесла Маша.

– Чувствую, – спокойно ответила девочка.

Бросила затравленный взгляд на закрытую дверь смежной комнаты – похоже, той самой, где встретила свою смерть предыдущая няня. И пробормотала:

– Мне очень важно вернуть его. Ведь Тишка... он всегда со мной спал. А в ту... в ту ночь он поднялся и убежал. Я ему говорила: не надо, куда ты, там холодно и темно, ты испачкаешься, замерзнешь... Но в окно светила большая луна, и Тишка все равно ушел. Он всегда уходил, когда это, как его... полнолуние...

– Но разве твой котенок... как ты сама сказала, игрушечный... умел ходить? – спросила няня.

– Днем, когда его могли увидеть, нет, – серьезно ответила Лиза. – Он только ночью уходил, когда все спали...

– Ну, значит, еще вернется, – заверила Долинина. – Коты, даже игрушечные, они такие. Любят погулять. Вот и Тишка твой загулял.

– Нет, – покачала головой Лиза. – С ним что-то случилось. Она обиженно взглянула на Машу и упрямо добавила:

– Я это знаю. И ты знаешь тоже.

«Как она это поняла? Как догадалась?..»

Но не рассказывать же, о чем поведала ей Милена! Что окровавленный котенок изъят милиционерами и теперь проходит как вещественное доказательство!

И Маша задумчиво произнесла:

– Знаешь, Лиза... Раз ночь была холодная, темная... Тишка твой мог заблудиться. Или, скорее всего, простудился. В больницу попал, и сейчас его лечат. А когда поправится – он обязательно вернется к тебе. Просто подожди немножко.

– Нет, я не хочу ждать, – надула губы девчонка. – Я хочу

своего Тишку. Сейчас. Немедленно.

– Немедленно никак не получится, – твердо сказала Маша. – У него наверняка воспаление легких. А оно быстро не лечится.

Увидела, как по Лизиной щеке покатилась слезинка, и быстро добавила:

– Но ты можешь сделать так, чтобы Тишка вернулся к тебе побыстрее. Не забывай о нем. Думай. Проси его выздороветь.

Девочка печально кивнула.

А когда Маша самонадеянно подумала, что и второй раунд остался за ней, Лиза вдруг тихо добавила:

– Только все равно он уже не выздоровеет. Когда столько крови – умирают. И котята, и... все.

Зарылась в подушки и горько заплакала.

«Да, Лиза... Ты действительно многое можешь. Но останешься при этом маленькой, беспомощной, несчастной девочкой... Что ж. Я попробую помочь тебе – и себе».

* * *

На Костика опять накатило. Ледяной холод. Звенящий. Жуткий. Когда не помогали никакие свитера и куртки. От приступа единственное спасение: забиться под все, какие есть, одеяла. Укрыться с головой, свернуться клубком. И тогда наваждение отступит. Не сразу – минут через двадцать.

Но сейчас он, увы, находился на работе. Потому оставалось только одно: стиснув зубы, терпеть. И чувствовать, как проклятый холод забирается вовнутрь, разрывает тело ледяными иголками... Если съежишься, обхватишь себя руками – станет легче. Но вдруг коллеги увидят? Начнут приставать с вопросами: что с тобой? А как объяснить? Тем более он сам не знает, что у него за напасть. Костя даже на форуме, где профессиональные врачи тусуются, заходил, спрашивал. Вариантов ему предложили массу: сердечная недостаточность, нарушение кровотока в мозгу, какой-то острый свиной грипп предположил... Но только сердце у него – как швейцарские часы, и невропатолог на недавней диспансеризации тоже сказал, что он здоров – хоть сейчас в космос. Грипп вообще ерунда, не прилипнет эта хворь к человеку, который уже лет десять начинает свой день с ледяного душа и пятикилометровой пробежки. Да и потом: у него ж не озноб, а будто льдинка в грудь попала и тает, тает, раздирая при этом все тело... И, главное: такая ярость при этом охватывает! От своей беспомощности и оттого, что ничего невозможно этому могильному холоду противопоставить.

Одна радость – неведомая болезнь его нечасто преследует. А сегодня вдруг опять напало.

Едва он увидел эту новенькую няню, Машу. Как та заезжает на своей «Шкоде» на территорию, ставит машину у ограды, не обращая внимания на дождь и ветер, решительно шагает к дому. И несет с собой лед. Холод. И страх.

И даже когда она из вида исчезла, наваждение не пропало.

Новая няня, значит... Очередная игрушка для избалованной хозяйской дочки... С виду симпатичная такая девушка. Личико умненькое, походка уверенная. Только почему же ему настолько плохо стало от одного взгляда на нее?.. И как с ней общаться – когда их пути снова пересекутся?.. Сможет ли он удержать себя в руках?!

* * *

Больше всего Маша боялась, что у нее не выйдет контакта с Лизой. И та ее просто выгонит (а родители ребенка поддержат).

Однако пока все шло нормально. И девочка после завтрака даже странную фразу произнесла:

– А ты, Маша, такая... непростая...

– Что ты имеешь в виду? – едва не поперхнулась Долина.

Лиза же лишь загадочно улыбнулась:

– Да тоже многое можешь...

А объяснять дальше не стала.

Но пусть с ребенком поладили, зато Маша в первый день успела с одним из охранников поссориться.

Звали его Сашкой (похоже, тот самый, кого Милена подцепила), и приставлен он был как раз к Елизавете. То есть пока девочка дома – Александр в особняке околачивается.

И если надо куда ехать – тоже обязательно с ним.

Маша этого Сашку едва увидела – сразу поняла, что экземпляр проблемный. Характерный такой типаж: годков уже сильно за сорок, но все ерепенится, петушится, как молодой. Джинсы в обтяжку, майка с Костей Кинчевым, волосы (с изрядной сединой) убраны в хвостик, улыбочка похотливая. И такая непоколебимая в себе уверенность, будто и не охранник, а продюсер как минимум. Ну а она к нему на просмотр пришла и, конечно, готова для него, ради главной роли, на все. Уверенно подошел в парке, куда они с Лизой на утреннюю прогулку вышли, оглядел противным, похотливым взглядом и решительно заявил:

– Ты точно в моем вкусе. Молода. Красива. Стройна.

– Спасибо, – вежливо улыбнулась Мария.

И поспешила прочь – Лиза как раз на горку полезла, надо подстраховать.

Но Александр уверенно удержал ее за плечо. Покровительственно произнес:

– Не бойсь. Лизка – она ловкая, почище любой обезьяны лазит.

– Так дождь же был. Ступеньки, наверно, скользкие, – возразила няня. И попыталась выдернуть руку.

Однако Саша сжал ее плечо еще крепче:

– Говорю тебе: не бзди. Там покрытие специальное. Особая резина, за пять минут высыхает. Ничего с девчонкой не сделается. Давай лучше с тобой поговорим.

– И о чем же? – усмехнулась Мария, не сводя глаз с горки.

– О нас, конечно! – радостно откликнулся охранник. И деловито спросил: – Придешь ко мне кофе пить – когда Лизка спать ляжет?

– Шустры вы, батенька, – сузила глаза Мария.

– А чего тянуть? – хохотнул он. – Как в том фильме: вы – привлекательны, я – чертовски привлекателен.

И почему, интересно, всякие уроды так любят эту цитату?..

Но ссориться сразу с новым коллегой не хотелось, и Маша миролюбиво произнесла:

– А чего вы так гоните лошадей? Я на работе первый день. Вроде положено сначала познакомиться, немного присмотреться друг к другу...

– Некогда мне к тебе присматриваться, – деловито произнес охранник. И подмигнул: – Боюсь, хозяин вечером с работы вернется – опередит.

И непонятно: то ли шутит, то ли – предупреждает... Хотя Евгения Юрьевна заявила ей совершенно определенно: *фривольные* отношения с Кривцовым совершенно исключены. А попытаешься подкатиться к хозяину – тебе же еще и штраф. Но, может, в агентстве говорят одно, а на деле совсем другое?

И охранник, хитрюга, конечно, почувствовал ее сомнения. Доверительно обнял, зашептал на ушко:

– Ты, Машенька, девчонка-то молодая, опыта – с гулькин нос. Сама не понимаешь еще, в какое логово попала. Тут без

покровителя пропадешь... Человек нужен, который все ходы-выходы знает. Такой, как я.

«Обойдусь уж без такого покровителя!» – едва не вырвалось у нее. Пока беседовали, она присмотрелась к охраннику внимательнее и обнаружила изрядно дополнительных дефектов: и зубы плохие, и футболка подванивает. А уж пухлые, слюнявые губы вообще ниже всякой критики.

Тут, к счастью, ее Лиза выручила. Крикнула весело:
– Маша, смотри! Я сейчас на ногах съезжать буду!

И няня, конечно, пулей кинулась к ней. Но добежать до горки не успела. Лиза ловко (действительно как обезьянка!) взобралась по лестнице и уверенно заскользила вниз. Но на ногах все же не удержалась – с половины пути скатилась кубарем.

У Марии все внутри обмерло. Да еще и охранник масла в огонь подлил. Бежит рядом с ней, одышливо шипит в ухо:

– Вот вам, девушка, и штрафик первый. На половину зарплаты...

И, похоже, не зря пугает – видок у Лизы действительно устрашающий. Курточка вся в грязи, на щеке ссадина... «Ох, дура я, дура, что болтала с ним вместо того, чтоб за девчонкой следить!»

Она подхватила свою подопечную на руки, прижала к себе, забормотала:

– Лиза, ты как? Где болит?!

Девчонка же лишь состроила кислую рожицу. Требова-

тельно вырвалась из няниных объятий. И сказала с интонацией абсолютно взрослого человека:

– Не будьте вы клушей, Мария Николаевна. А то хуже Насти, честное слово...

Охранник хохотнул. А хозяйская дочь мигом обратила свой взор на него. Припечатала:

– А ты ей чего не сказал, что мне стоя кататься нельзя?

И тот угодливо забормотал:

– Ты же, Лизочка, так быстро на горку залезла, что я и не успел ничего сказать...

– Вот и не мешай моей няне за мной следить, – надменно произнесла девчонка. И велела Марии: – Пошли домой. Надо куртку переодеть.

Та, естественно, повиновалась. А пока шагали рядышком по дорожке, Лиза требовательно спросила:

– Этот Сашка тебе что, понравился?..

В педагогическом институте Марию учили: на подобные вопросы отвечать нельзя. Скажешь «да» – маленький ребенок решит, что здесь любовь. Ответишь «нет» – напридумывает про жестокую ссору. И вообще негоже позволять малышке лезть в отношения старших.

Но реальная жизнь – особенно в миллионерском особняке – она ведь от педагогики далека. И потому Маша сказала честно:

– Нет. Не понравился.

И Лиза неожиданно просияла:

– Что, правда? Я Сашку тоже терпеть не могу! Даже папу сколько раз просила, чтоб его уволил...

– А за что ты Сашу не любишь? – осторожно спросила Маша.

– Противный он, – вздохнула девчонка. – И конфеты мне дает всегда невкусные.

– А если бы вкусные давал? – улыбнулась няня.

– Все равно был бы противный, – серьезно ответила Лиза. И добавила: – Я и Насте, ну, своей прежней няне, говорила, чтоб она с ним не водилась. Только Настя меня не слушалась...

И обиженно закончила:

– И вообще несправедливо: я одна играю, а Настька с Сашкой болтают.

– Ладно, Лизочка, не волнуйся, – успокоила Мария. – Я теперь на площадке всегда с тобой буду. А Саша пусть один на лавочке сидит. Договорились?

– Договорились! – просияла Лиза. И доверчиво добавила: – Только не обмани меня, ладно? А то Настя сколько раз мне обещала, что мы с ней поиграем... Но все равно: как Сашка появится – сразу к нему. И на меня наплевать... Ты так никогда не делай, ладно?

– Ладно, – пообещала Маша.

А про себя подумала: «Только бы этот охранник мне коз-ни не начал строить...»

Кася уже третий час билась с лестницей. Ох и не любила она это занятие! Построил Кривцов чудище! Что дом трехэтажный – ладно. Даже у них в деревне один такой есть. Но только нормальные люди – те не выпендриваются. Деревянные лестницы в свои покои прокладывают. И прочно, и уютно, и возни никакой – протер влажной тряпкой, вот и полная чистота. Но Кривцов – буржуй из буржуев! – себе с первого на второй этаж вместо нормальных ступенек жуткое кованое сооружение возвел. Меж перильных столбов извиваются наяды, это тетki такие. Целых семь штук. Железные. У каждой в руке какой-нибудь предмет. Лоза, там, виноградная или ваза с фруктами. Искусство, короче. И ступени – не сплошные, а все в завитушках. Удумали тоже, вообще смех! Даже сами Кривцовы, когда приемы устраивают, гостей предупреждают, чтоб по лестнице ступали аккуратней. Особенно дамочки, кто на шпильках, – не то конец всем Маноло Бланикам придет.

Самой Касе-то щели в ступеньках не страшны, она в кривцовском доме в тапочках ходит. Но вот когда ей выпадает лестницу чистить – вообще страх, из-за этих завитушек проклятых. Приходится колупаться с целым комплектом мягких ершиков. Большим она общее загрязнение сметает. Средний – для наядиных лиц. Ну и совсем крошечный – между же-

лезными виноградниками почистить. А чтоб всю лестницу, восемнадцать ступенек, в порядок привести, часа четыре надо потратить. Кому дома Расскажи – ни за что не поверят. У них, в деревне-то, все проще. Из всех чистящих средств – сода да хлорка. И «Комбат», от тараканов. А тут, у Кривцовых, целая кладовка есть, а в ней – банок сорок различных порошков да протирок. И щетки, конечно, всякие разные. И даже перчатки хозяйственные. Кася сначала, как их увидела, растрогалась: неужели ж домовладельцы о сотрудниках позаботились? Чтоб у тех руки не сохли, ногти не слоились? Но вторая горничная, Верка, просветила: не в заботе дело. Просто у мадам Кривцовой на чистящие средства аллергия. Если вдруг, не дай бог, унюхает, что от рук уборщицы химией пахнет, сразу чихать начинает и ругаться.

Причуда, конечно, если не сказать – явный бред. Но Касю еще на курсах предупреждали: в элитных домах свои законы. А самый верный путь, чтобы с тепленького местечка вылететь, – над этими законами посмеяться.

Вот Кася, человек разумный, и старалась держать рот на замке. Хотя не всегда получалось... Дочка-то хозяйская, Лизка, с головой конкретно не дружит, как это не обсудить! Тем более что у них в деревне была одна почти такая же. С виду нормальная, глаза огромные, глубокие, и умная даже. Рисовала, стихи писала, по лесу гуляла, природу наблюдала. А потом вдруг – бац! бац! – и зарубила родных отца с матерью, пока те спали. И на следствии абсолютную пургу

несла – вроде как ей голоса велели. Потому что в родителей бес вселился.

Вот и Лизка, считала Кася, того же поля ягодка. Можно сколько угодно ее и конфетами угощать и кукол потерявшихся помогать искать, а она тебя потом – топором, если ей голоса подскажут.

Впрочем, ей, по счастью, с Лизой часто сталкиваться не приходилось. Пищу маленькая барыня принимала, естественно, отдельно. Ванная с туалетом у нее свои. И убирала – не только в детской, но и во всем доме – Кася строго в отсутствие девочки. Чтобы ребеночек, нежное создание, не дай бог, пыли не наглотался.

Вот и сейчас Кася возилась с проклятой лестницей и из огромного, высотой в два этажа, окна видела – Лиза с новой няней в саду гуляет. Кася вообще-то думала, что девочка с той дичиться начнет. Или, что скорее, скандалы закатывать. Но хозяйская дочка, на удивление, вела себя мирно. Послушно шагала рядом с этой новенькой. Подбирала с земли желательные листочки – гербарий, что ли, собирают? Но зачем, интересно, Лизке гербарий, если у нее в детской атлас всех деревьев мира стоит? Огромный том, килограмма на четыре. И к каждому дереву прилагается настоящий, аккуратно запаянный в целлофан свой листик?..

– А Лизку-то нашу, похоже, укротили! – вдруг раздалось за ее спиной.

Кася обернулась: ясное дело, Сашка. Охранник. Он вечно

к ней прикапывается, если никого из хозяев дома нет. Впрочем, не только к ней. Сашка – он вообще озабоченный. На любую бабу от шестнадцати до сорока слюни пускает. Причем на комплименты там или на ухаживания времени не тратит – сразу хватается за попу. Но с хозяевами себя, хитрец, держит безупречно. Да и регалий у него целая куча – бывший гонщик, заслуженный борец, стреляет, как дьявол. Потому Кривцов с Кривцовой на него молятся. А когда повариха пожаловалась, что ее Санек однажды в кухне зажал и она от неожиданности борщом ошпарилась, ей же и досталось. Сама, сказали, его спровоцировала, что в легкой маечке ходит и в юбке короткой. Только как, интересно, в кухню одеваться – когда там вечно жарница, одновременно шесть конфорок горят?

Кася быстро переместилась, чтобы оказаться к Сашке лицом. И незаметненько взяла в руки самый большой из своих ершиков. Не бог весть какое оружие, однако ручка стальная. Пусть только сунется – мигом получит по лбу.

Но Сашка, к счастью, подниматься по лестнице не стал. Остался внизу. Попробовал, правда, Касю за щиколотку цапнуть (она на пятой ступеньке стояла), да девушка успела отдернуть ногу.

– Ну, что ты вредничаешь, Каська?! – заворчал Санек.

– Иди, иди, куда шел, – строго произнесла горничная.

– Так я к тебе шел! – осклабился тот. – Посмотреть на тебя... такую горяченькую. И пахнет от тебя сладенько... Хо-

зыйским шампунем, что ли, помылась?

– Слушай, Сань, отвали, а? – буркнула Кася.

– Да к кому ж мне валить? – обезоруживающе улыбнулся тот. – Товарка твоя для меня старовата. Повариха тоже не в моем вкусе – слишком толстая. У садовницы нашей муж. Одна Настена была – так и та в мир иной отправилась...

Будь на Сашкином месте кто другой – Кася бы мигом оборвала. Что нельзя о мертвых так небрежно, мимоходом. Но Санька, она знала, воспитать невозможно. Не поможет никакое воспитание, коли агрегат у человека в постоянной готовности.

– Ну, пойди к новой няньке приклейся, – не удержалась от насмешки Кася.

– Пробовал уже, – печально вздохнул Санек. – Кобенится, мымра! Хотя у самой – ни рожи, ни кожи.

– Нормальная у нее рожа. И кожа хорошая, – расплылась в улыбке Кася. – И вообще, кажется, девчонка ничего. Вон, гляди, как Лизу нашу построила! Повариха сказала: девчонка даже всю кашу съела. Сама. И вообще уже полдня прошло – а пока только один концерт... И то Машка с ним справилась.

– Ну, полдня – это не показатель, – насупился Санек.

И, Кася с облегчением увидела, на лестницу облакачиваться перестал. Значит, можно не бояться, что сейчас бросится.

Она отложила свой ершик, присела на ступеньку. Пожа-

ловалась:

– Ох и задолбала меня эта лестница!

– Слушай... – задумался Сашка, – а может, тебе ее пылесосом попробовать, а? Берешь насадочку такую маленькую, что для мебели, и вычищаешь! Гораздо быстрее получится.

– Ага, а с меня потом Кривцова семь шкур сдерет. За то, что я пылесос, хрен знает какой навороченный, о железные ступеньки исцарапала.

– Ну, Кривцовой сейчас нет, – пожал плечами Саня. – А я тебя не выдам. – И не удержался, добавил: —...Если дашь, конечно.

– Ох, – вздохнула Кася. – Купил бы себе бабу резиновую, что ли.

– Резиновую! Да они щас живые дешевле. Только я больше люблю за интерес, ты ж знаешь.

Санек перевел взгляд за окно – там, в саду, по-прежнему дружно бродили Лиза за руку с новой няней – и задумчиво произнес:

– Нет, совсем не нравится мне эта новая коза... Мутная она какая-то. И на няню совсем не похожа.

– А на кого похожа?

– Ну, не знаю. На училку. На докторицу. На переводчицу.

– Так сейчас все няни с образованием, – пожал плечами Кася. – И эта педагогический окончила. Да и у Насти высшее образование было...

– Ага. Только Настька за свою работу как за соломинку

последнюю держалась, – хмыкнул Саша. – Над Лизкой тряслась, все капризы ее сносила. А эта с таким видом ходит, будто одолжение тут всем оказывает.

– Да ладно! Ты злишься просто, что отшила она тебя! – фыркнула Кася. – Чего сказала-то? Что хозяину пожалуется?

– Не важно, что сказала, – насупился Сашка.

Вновь перевел взгляд в сад и с угрозой в голосе произнес:

– Думает, что она крепкий орешек, ха! Только мы и не таких раскусывали. Возможности, слава богу, есть...

* * *

Костя сменился с суточного дежурства, как всегда, в восемь. Еле дождался, пока наконец впрыгнет в машину и отчалит от кривцовского особняка. Проклятый холод не отступал, и даже печка, включенная на полную мощность, его не спасала. И настроение было хуже некуда. Любого уroda, кто в левом ряду будто черепаха плелся, пристрелить хотелось. Хотя чего злиться, если можно просто справа обогнать?..

Но ничего поделаться с собой он не мог.

Что же такое с ним происходит?

Костя постарался отвлечься. Не про холод думать – про что-нибудь нейтральное. Хоть про ту же дочку хозяйскую, Лизу Кривцову. Они вместе с другими охранниками часто девчонке косточки перемывали. Хотя сам Костик относился к ней лучше, чем остальной персонал. Чего ребенка обви-

нять, если еще товарищ Маркс доказал: именно бытие определяет сознание. А Лизке это *бытие* с самого рождения создают. Уже из роддома привезли в специальном конвертике, из нежнейшего шелка, украшенном кружевами ручной работы. Каська, горничная, потом ему ценник показала: две тысячи условных единиц. И это за вещичку, которую единственный раз надели, а потом засунули навечно в чулан!

И ладно бы просто дорожные вещи, младенец их ценности все равно не ведает, но ведь и желания все выполняются быстрее, чем по мановению волшебной палочки! Ночью заревела – немедленно к няне на руки, и таскают хоть час, хоть два. За обедом плюется – ах, какая Лизочка забавная! Игрушки ломает – тоже не страшно. Ребенок мир познает. За волосы няню дергает – опять нормально. Пусть больно, зато дите какую-то мелкую моторику таким образом развивает. Хотя полезней было бы если не вlepить – просто поговорить строго – и ребенок бы шелковый стал.

Но у них же, у буржуев, ко всему свой подход. Все желания единственной наследницы должны немедленно исполняться, и точка.

Только неужели они не понимают, что счастливое детство совсем другими методами создается? Вон у него, Костика, двое братьев-погодков, и мама не работала, и папаша несерьезную зарплату в дом приносил – только все равно он годы, когда маленьким был, с удовольствием вспоминает. Потому что мама хотя и покрикивала на сыновей, и подзатыль-

ники раздавала щедро, но всегда время приласкать находила. Моей тебе голову – обязательно мимоходом чмокнет в мокрую щеку. Коленку расшибешь – подуёт на ранку, скажет, что «съела бо-бо», и сразу не больно почти. А Лизиной мамаше до ребенка и дела нет. Вся в собственных заботах, дочку почти не видит. Какие там вечерние игры или, допустим, сказки на ночь! Даже завтракает отдельно. А вечерами приезжает, когда девочка спит давно. Только на фотосессиях и видятся – это у мадам Кривцовой теперь новая забава. Набивается полный дом разных журналистов-фотографов-стилистов. Навозят целый ворох одежды. У Кривцовых, конечно, и у самих есть во что одеться, но так положено. Чтоб потом под фотографиями приписать: «Наряды предоставлены бутиком таким-то». Вот тут-то – когда уже наложен грим и подобраны одежды – мамаша до ребенка и снисходит. И обнимает, и просит, чтоб девочка ей голову на колени положила, и в куклы они будто бы вместе играют. А фотограф: шелк! шелк! шелк! Смотрите все: какая материнская любовь, достаток, гламур! А как Кривцова на дочку шипит: «Убери с лица это кислое выражение!» – никто ж не слышит...

Понятно, конечно, что хозяйка своим бизнесом занята и поздним вечером, когда возвращается, сразу в кровать падает и засыпает мгновенно. Да и ребенок у нее получился поздний – в сорок-то лет куда сложнее к малявкам привыкать, чем в положенные природой двадцать. Но только у папаши, Кривцова, бизнес еще и посерьезней будет. Да и постарше

он, ему почти к полтиннику. Но к отцу Лиза хотя бы иногда на колени забирается. И кружит он ее по комнате – как самого Костика тоже отец когда-то кружил. Хозяин дочку даже в цирк вывозил недавно – сам, без няни, и оба вернулись страшно довольные.

Но если приоритеты расставлять – Лиза и у папаши окажется на каком-нибудь...цатом месте. После работы, охоты, массажей и много чего прочего, включая, естественно, сауну с девочками.

А у малышки-то мозг, как у всех детей, пока слабенький. Вот и не может понять, почему так: все желания исполняются. Но при этом – никто ее не любит.

Няня прежняя, Настька (царствие ей небесное!), к девочке неплохо относилась. И целовала ее, и играли они вместе весело. Но, глупая курица, тряслась над ребенком невероятно. Вдруг упадет? Расшибется? Заболеет? Потеряется? Испугается?.. И завидовала, конечно, Настена своей питомице. Никому не признавалась, но они ж не слепые. Как не завидовать, когда у самой Настьки тоже дочка немногим постарше Лизы. Сидит на Украине, в ветхой мазанке. До школы – пять верст пешком, и в Киеве только однажды побывала – в то время как юная Кривцова с двух лет по всему миру раскатывает, первый класс, пять звезд.

А разве можно любить того, кому одновременно и завидуешь, и кого боишься? Даже если это всего лишь пятилетний ребенок?!

Вот и выходило, что только Костик (хотя за компанию с коллегами и поругивал хозяйскую дочку) на самом деле девчонку жалел. У нее ж в глазах – не искорки веселые, как у всех детей, а черная, беспросветная тоска. И как другие не видят? И все эти ее капризы – не только от безнаказанности, но и от обиды. А если с девчонкой по-человечески – она себя нормально ведет. Сам убедился.

Пару недель назад Лиза с няней, с Настей еще, по саду бродили. В самый дальний угол забрались, где садовник малину развел, а урожай почему-то не снял. Ягоды по осенней поре пожухли, конечно, но все равно выглядели аппетитно. Девчонка и набросилась на малину. А няня естественно, расквохталась, что нельзя есть немывтые. Лиза ягодки срыгает, а Настька охает и все пытается их влажной салфеткой протереть. Девчонка же вопит, что малина после салфетки получается давленной и невкусной. Спорят, ругаются... Так увлеклись, что не заметили, как туча подкралась. А зонта с собой, конечно, не взяли. Ну, тут уж няня совсем в панике: промокнет ребенок! Простудится! Лето кончилось, осенний дождь холодный, вдруг пневмония, беда! Схватила Лизку в охапку, пытается с себя кофту сдернуть, девчонку укутать. Та, разумеется, орет, вырывается – детям-то дождь любимая забава...

Ну а он, Костик, как раз в дежурке у мониторов сидел. Решил: надо бежать на помощь. Подхватил зонт, взревел квадроциклом, за минуту примчался в малинник... Няня уже со-

всем была невменяемая – девчонка благополучно у нее вырвалась, скачет в легких туфельках по мокрой траве, подставляет мордаху под дождевые струи. Увидела его огромный раскрытый зонт – расхохоталась в голос, припустила прочь, оступилась, упала, вся измазалась, нос расшибла, руку поцарапала... Заревела, естественно. А у няни одно на устах: «Что Кривцов скажет?»»

Один Костик не растерялся. Сгрёб девчонку в охапку, из багажника квадроцикла плед извлек, закутал. Та, конечно, вякать пыталась, но у него разговор короткий: «Про осеннюю бабу-ягу слышала? Нет? Тогда смотри внимательно. Она как раз в дождь выходит. Плохих детей к себе забирает. Видишь, и тебя за руку попыталась схватить, поцарапала... Так что решай. Или с ней оставайся, или, так уж и быть, до дома тебя довезу».

И Лиза сразу утихла, обняла, покорно положила головку ему на плечо. И в квадроцикл уселась безропотно, и даже попросила, чтобы ей самой зонтик держать. А потом, когда дома оказались, еще и требовала, чтоб именно он, Костик, ей ссадины йодом помазал... Ему даже на короткий миг показалось, что она его дочка. Или, по крайней мере, младшая сестренка.

Ну, и за что ее не любить, эту девчонку? Что та над няней издевается? Так не давай над собой издеваться – и всех делов.

И хотя промок он тогда под дождем до нитки, и боялся,

что на него снова злой, страшный холод накатит, а совсем не замерз. Когда на квадроцикле вместе ехали, девчушка его, наоборот, грела. Доверчивым взглядом своим, нежными горячими ручками...

Что ж, хоть это хорошо. По крайней мере, гарантия есть, что хозяйской дочке он вреда не причинит. А если кто другой пострадает от его ледяного приступа – Кривцовы переживут.

* * *

Денек у Елены Анатольевны выдался препоганый. С открытием очередного клуба просто с ума сойти можно. Казалось бы: не первый день она в этом бизнесе, все подходы должны быть изведаны, все дорожки проторены. Но то ли бюрократы борзеют, то ли персонал разболтался. И, несмотря на финансовый кризис, цены только растут! Система очистки воды в бассейне подорожала в сравнении с прошлым годом чуть не вдвое. Елена попыталась попросить скидку – в ответ ей лишь ухмыльнулись: «Не можете платить – дезинфицируйте хлоркой».

Инструкторы тоже обнаглели. Потрясают какими-то сомнительными сертификатами и требуют несуразной зарплаты. Будто она не знает, как большая часть этих бумажек делается: съездил Вася Пупкин отдохнуть на Гоа, позанимался с аниматорами йогой, и – оп-па! – готов документ, что то-

варищ имеет право преподавать в группах начального уровня...

Да еще и до конца года обязательно нужно фирму перерегистрировать. Закон новый, видите ли, вышел – о внесении изменений в Гражданский кодекс. Был учредительный договор, теперь вместо него устав компании. А долевое участие нужно оформлять отдельным документом. Обычная бумажная волокита. И бухгалтеры, конечно, все бумаги подготовят. Но положено, чтоб в налоговую явился учредитель, лично. И томился там в несусветных очередях, потому что перерегистрирует ООО единственная инспекция на всю Москву. Специально, что ли, это придумали? Чтоб бизнесменов к народу приблизить?..

В общем, мало того, что сегодня день тяжелый, – завтра еще хуже может получиться.

Значит, нужно запастись силами. Потому Елена домой решила не торопиться. Понятно, конечно, что надо бы все проконтролировать – первый день няня новая, и Лиза после недавнего убийства в особняке ведет себя не всегда адекватно. Но только она сама ведь тоже человек! И нуждается хотя бы в минимальном релаксе. Тем более что индустрию отдыха выстроила своими руками, и вот она, совсем под боком.

Лена спустилась на рецепшн, лучезарно улыбнулась дежурной администраторше, быстро просмотрела расписание тренировок. Отлично! Наташка, лучший в столице тренер по пилатесу, как раз сейчас заканчивает занятия в группе.

Значит, для начала припадем ее на индивидуальную, разумеется, тренировку. Растянем мышцы, расслабим спину – а потом можно и немного силовой себе позволить. А дальше, на полчаса, в бассейн. Народу, правда, в это время будет многовато, зато, как наставляет помощница по пиару, весьма для имиджа полезно: плескаться на одной дорожке с клиентами. Ну а в девять – отправимся к косметологу. Авось на это время к той не записаны ни Даша Жукова, ни Ксюша Собчак – а всех остальных можно и передвинуть.

...В итоге дома Елена оказалась только в начале двенадцатого. Умиротворенная, расслабленная, похорошевшая. Лиза, конечно, давно уже спит, но она обязательно зайдет в ее комнату. Поцелует. А что муж, скорее всего, тоже в объятьях Морфея – это еще лучше. Макар – он в последние недели нервный, все с кем-то судится, воюет, по крайней мере, адвокат все время при нем. И ничего супруга не радует. Даже старое доброе средство, горячий секс, интересоваться перестало. То ли устал, постарел, а может, и очередная девица из мира саун в душу запала. Впрочем, Лена по этому поводу не заморачивалась. Ее саму Макар и в молодости-то интересовал не шибко. А сейчас о влечении или, пуще того, о любви говорить и вовсе смешно. Есть муж – пусть себе существует. В своем параллельном мире. А обеспечить себе качественный секс прекрасно можно и не привлекая супруга.

Сначала она хотела прямо в свою спальню пойти. Там уж на Макара точно не нарвешься. Да и искушения не появится

перехватить на сон грядущий конфету-другую. Но есть после вечерних гимнастических упражнений хотелось зверски. И Кривцова решила все же завернуть в кухню. Никаких углеводов с жирами она себе, разумеется, не позволит, а вот яблоко или стебелек сельдерея будет в самый раз. Только бы на столе свежее испеченного торта не оказалось... Их повариха по кондитерским изделиям – первая мастерица в Москве. И колдует над своими шедеврами всегда почему-то вечерами, а потом оставляет тортик жесточайшим искушением на столе до утра. Елена уже сколько раз просила прятать его в холодильник или хотя бы в шкаф, но повариху, когда та на своем поле играет, переупрямить невозможно. Изделию, видите ли, комнатная температура нужна и простор, иначе засохнет-осядет. А то, что даже в самом маленьком кусочке не меньше четырехсот калорий и вообще есть на ночь сладкое смерти (для фигуры) подобно, кулинарку не волнует. В самой сто килограммов весу, и другим того же желает. Постоянно и Лизу крендельками пичкает, и Макара соблазняет икрой на собственноручно выпеченном хлебе.

...Сегодня торта на столе, по счастью, не было. Но едва Елена извлекла из холодильника пресловутый сельдерей, а в придачу к нему кумкват и бутылочку лимонного сока, дверь в кухню хлопнула. На пороге показался супруг. Глаза красные, взгляд колючий, на щеках неопрятной синевой пробивается щетина... Кривцова за долгие годы совместного бытия мужа изучила прекрасно и сейчас безошибочно опреде-

лила: устал. Разозлен. И – поддатый.

Он хмуро глянул на нее. Буркнул:

– Чего так поздно?

– Работа, – пожала плечами Елена.

Макар с сомнением уставился ей в лицо, размягченное сауной, разглаженное сеансом пластифицирующего массажа. Усмехнулся:

– Болтай больше: работа! Вся сияешь. Опять небось со своим фигуристом миловалась...

– Прекрати, Макар, – поморщилась Елена.

– А то я не знаю, что любовь у вас совсем не на льду! – осклабился муженек.

Вот достал! Сам ради пиара и ленточки везде перерезает, и на ток-шоу ходит, самые глупейшие, только чтобы засветиться, а к ней претензии. Наверняка просто завидует – шоу «Любовь на льду» ведь на центральном канале идет. Каждую неделю, в прайм-тайме. И пара Кривцова – Илюшин там далеко не в аутсайдерах.

– Ты прекрасно знаешь, что я никогда не смешиваю секс и работу, – начала закипать Елена. – А шоу – это работа, и ничего больше. Мне каждый эфир клиентов приносит больше, чем вся реклама и пиар за год.

– ...А юная сперма – омолаживает организм, – прищурился муж.

Кажется, назревает ссора. Причем абсолютно на пустом месте.

– Не понимаю тебя, – пожала плечами Елена. – Ты ведь, по-моему, даже гордился, когда меня в «Любовь на льду» взяли. И насчет Илюшина говорил, что мне очень повезло. Потому что тот – спортсмен с огромной харизмой, а значит, и я на его фоне заиграю. Забыл, что ли?..

– Да я вот и смотрю, что ты совсем заигралась, – зловеще молвил супруг.

– Ты ревнуешь, что ли? – улынулась Елена.

– Нужна ты мне – ревновать. Развлекайся, как хочешь. Меня это не волнует, – обидно усмехнулся Макар. И без перехода продолжил: – Лиза сегодня опять весь вечер проплакала.

– С новой няней не поладила? – нахмурилась Елена.

– Да при чем тут няня! – отмахнулся супруг. – Днем у них все нормально было. А вечером Лиза легла уже – как обычно, в половине десятого. А в десять вдруг проснулась, и в слезы. И нянька с ней билась, и я, и Кася прибежала – все без толку. Кричит, даже заикаться начала...

– Что ж мне не позвонили? – упрекнула Елена.

– А что бы ты сделала? – едко парировал муж. – Успокоила ребенка в нежных материнских объятиях?..

Крыть было нечем.

В доме все знали, что материнские объятия девочку не привлекают. И когда Лизе снились страшные сны или она болела – за утешением всегда бежала к няне, к папе. Даже к горничным. И никогда – к ней, родной матери.

– Ну, вы ведь справились? – Елена ласково коснулась мужниной руки.

И удивилась, с каким остервенением тот шарахнулся от ее прикосновения.

– Конечно, мы справились, – саркастически откликнулся муж. – Мы давно уже научились справляться сами со всем. Не тебе ж поручать! А то устроишь, как тогда, с Лизиной аллергией.

– Слушай, хватит об этом, а? – вспыхнула Елена. – Ты, между прочим, и такого врача найти не мог.

...Дурацкая на самом деле и очень давняя история – однако Макар ее готов вечно вспоминать. Когда Лизе исполнилось два, у нее вдруг открылась страшнейшая аллергия. Какие там общеизвестные цитрусовые или клубника! Девочка реагировала в буквальном смысле на все. Аллергенами становились и безобидный кусочек хлеба с кунжутом. И осветленный яблочный сок. И даже отварная курица. Ребенком, естественно, занимались лучшие столичные врачи – и указания, как часто это бывает, давали самые противоречивые. Девочке лучше не становилось. И тогда Елена приняла волевое решение: выгнала всех, привела в дом известного травника и постановила, что отныне пользоваться ее дочку будет только он. Дядька посадил Лизу на жесткую диету, максимум восемьсот килокалорий в день, и аллергия действительно очень быстро исчезла. А то, что девочке теперь постоянно хотелось есть и она быстро стала терять в весе, – это, считали

и «светило», и мать, всего лишь побочный эффект. Макар, правда, утверждал, что ребенка довели в буквальном смысле до дистрофии, и однажды, когда Елена была в командировке, травника со скандалом выгнал. Муж лично повез Елизавету к очередному врачу и, когда жена вернулась, с гневом продемонстрировал ей справку, что, мол, у ребенка полнейшее истощение... Однако Елена все равно продолжала считать, что была права. Пусть истощение – зато теперь-то Лиза ест все и аллергия исчезла бесследно! А у Макара просто характер такой. Сам для семьи ничего не делает, а когда ты стараешься, только наезжает.

И Елена гневно сказала:

– Ты тоже хорош! Обещал, между прочим, Елизавете, что сам ей няню подбирать будешь. На кастинг, кажется, собирался в агентство сходить? Ну, и как? Выкроил в своем расписании время?

– Можно подумать, ты ходила, – пожал плечами муж. – Первую няньку, что тебе предложили, и хапнула!..

– А ты думаешь, у меня много свободного времени? – возмутилась жена.

– Конечно, конечно, ты у нас, как пчелка, сутками трудишься. С маникюра на педикюр. С педикюра – на массаж. С массажа на каток. С катка – на банкет...

– Господи, опять двадцать пять. – Елена уже с трудом удерживалась, чтоб не запустить мужу кумкватом в физиономию. И чего он вдруг разошелся? Ведь как было хорошо

в последнее время: у нее своя жизнь, у него – своя. Вежливо здороваются за ужином и совершенно не касаются проблем друг друга...

– Вся из себя такая светская, элитарная... – продолжал глумиться супруг. – Утром она в Лондоне, у самого модного парикмахера. А к вечеру перемещается со своей неопишуемой прической на благотворительный бал в Париж.

– Ну, и что в том плохого? – Елена из последних сил пыталась купировать ссору. – Я сама зарабатываю. Могу себе позволить.

– Сама ты зарабатываешь, как же! – хрюкнул муж. – Как в том анекдоте: купил мандарин за рубль, продал – за два. А потом умер дедушка и оставил миллион в наследство...

– На что ты намекаешь, Макар? – нахмурилась Елена. – На те жалкие четыреста тысяч, что ты дал мне на первый клуб? В девяносто каком-то лохматом году?.. Но я, кажется, те деньги давно тебе вернула. Или память мне изменяет?

– Не прикидывайся, милая, – поморщился он. – Четыреста тысяч – копейки, мелочь. А если б я тебя не поддерживал все то время, лопнул бы твой клуб. Точно мыльный пузырь.

Что спорить – Макар, конечно, ей помогал. И связями своими, и советами, особенно поначалу. Но только и она не на диване валялась. Получила образование, обросла нужными знакомыми. И последние лет десять муженек ее бизнеса не касается. Еще и своим дружкам хвастался, как ему повезло: на жену ни копейки тратить не надо, сама себя обеспечивает.

И оба ситуацией до поры были довольны. А тут вдруг Макарка завелся...

Или он просто из-за Лизы переживает?

И Лена брякнула первое, что пришло в голову:

– Слушай, Макар. Мы оба просто устали, наверно. Давай вместе отдохнуть съездим, а? Только мы втроем. Ты, я и Лиза. Куда-нибудь недалеко, в простое место, типа Болгарии, например. И даже няню с собой не будем брать.

Он презрительно взглянул на нее. Усмехнулся:

– Чего это с тобой? Материнские чувства проснулись?

– А зря, между прочим, смеешься, – спокойно заявила Елена. – Чтоб ты знал, материнская любовь разной бывает. Некоторые женщины – да, влюблены в своих младенцев с первого крика. И памперсы вонючие чуть не целуют. Но очень у многих чувства к детям просыпаются постепенно. Мне одна певица рассказывала: она своего сына вообще полюбила, только когда он в школу пошел. И с ним поговорить нормально стало обо всем, а не только про колобка с курочкой рябой...

– Заверяю: тебе это не грозит, – вновь усмехнулся Макар. – И когда Лиза в школу пойдет. Вообще никогда.

«Вот упрямая тварь! Но наше оружие – не крик. Гибкость», – подумала Елена. И мягко добавила:

– Но все-таки давай попробуем. Сейчас только я всю эту хлопотню с новым клубом закончу...

И муж, похоже, сменил гнев на милость. Не поцеловал,

конечно, и даже не улыбнулся. Но и дверью шваркнуть не стал, как умеет. Просто молча повернулся и вышел. Елена же с отвращением вернула сельдерей с кумкватом в холодильник. Имеются свои плюсы и в ссорах с мужем – есть ей расхотелось совершенно. Но все-таки этот паршивый с самого утра день закончился очень даже неплохо. Счастье, что ей удалось своей показной кротостью погасить семейный скандал. Потому что глупо, вдобавок ко всем проблемам, еще и с мужем разругаться.

Она взглянула на часы, чертыхнулась – опять уже почти час ночи! – и отправилась в спальню. И, конечно, не ведала, что Макар в своей комнате первым делом схватился за телефон. Пока шли гудки, в нетерпении барабанил пальцами по спинке кровати. А едва ему ответили, деловито произнес:

– Нурлан? Это Макар. Я все решил. Ждать мы не будем.

Морщась, выслушал ответную тираду. И безапелляционно закончил:

– А я сказал: нет. Начинай прямо завтра.

* * *

Вечером Лиза опять устроила истерику. И тут уж ничего не помогло. Ни педагогические приемы – приласкать, уговорить, отвлечь... Ни пресловутое *поле*, на которое Маша изо всех сил пыталась настроиться.

Девочка с остервенением вырывалась из ее объятий и по-

вторяла одно:

– Мне страшно! Страшно!..

На крик и горничные прибежали, и повариха, и даже отец (матери дома не было), но Лиза все равно успокоилась только через час. Просто упала в постель – и мгновенно уснула.

Маша виновато взглянула на хозяина. Пробормотала:

– Простите... Я сделала все, что могла...

Ждала упреков, однако Кривцов против ожидания лишь ласково улыбнулся:

– Да что вы, милая! Не расстраивайтесь. С Лизой такое бывает.

Интимно потрепал по плечу и добавил:

– Привыкнете.

Просто милейший мужчина... Только вот, когда плеча ее касался, глаза полыхнули. И дышал как-то часто, будто хотелось ему утешать ее и утешать... Совсем не по-товарищески. Вот черт! Может, не зря ее тот противный охранник, Сашка, пугал? Что хозяин до нянь, особенно молодых, охоч?..

За разъяснениями она решила обратиться к горничной Касе – тем более что та сама ее позвала вместе почаявничать, когда Лиза уснет.

И, когда по обоюдному решению девушки решили сдобрить чай хозяйским коньяком, Маша как можно более простодушно спросила:

– Слушай. Меня тут Сашка, ну, охранник, напугал...

– Пистолет свой показывал? – улыбнулась та.

– Да нет. Про хозяина что-то бормотал...

– В смысле? – нахмурилась Кася.

– Ну, мол, Кривцов ко всем девушкам, кто у него в доме работает, пристаёт.

– Это тебе Сашка такое сказал? Вот дурак, а?! – горничная расхохоталась. А отсмеявшись, уверенно заявила: – «Прекрасной няни» в обычной жизни не бывает. И не надейся. Где мы – и где Кривцов! Нужны мы ему сто лет! У него знаешь какие подружки?! Сплошь модели...

– Сама видела? – подмигнула Маша.

– Костик рассказывал, – не смутилась Кася. – Ну, второй охранник. Он вместе с Володиным – это который у них старший – хозяина в сауну возит. Внутрь-то его не берут, конечно, но однажды он видел, как шеф, совсем голый, из парной на снег выскочил. И с ним – три девчонки. Все как одна блондинки и девяносто-шестьдесят-девяносто.

– Да уж, весело тут у них... – покачала головой няня.

– Весело, – согласилась горничная. – Но только нас это веселье не касается. Хотя с охранниками спать можно, конечно. Если желание есть. Сашка, например, с Настей спал. Но он вообще со всеми готов. Кто ему дает.

А у самой лицо важное-важное. Всем своим видом показывает: уж она-то точно не снизойдет до простого телохранителя. Может, сама на хозяина нацелилась?.. А что, девушка Кася видная, фигуристая, на язычок острая.

Хотя вряд ли.

А горничная продолжала ее наставлять:

– Ты, Машка, с Кривцовым осторожней держись. Он только на вид такой заботливый, сладкий. Всегда и как дела спросит, и комплиментик, и подарочек к Новому году... Но на самом деле ему на нас всех плевать. С высокой колокольни.

Она понизила голос, склонилась к уху товарки:

– Знаешь, что я подслушала в то утро, когда Настю убили? Никому не говорила – а тебе расскажу. Дурдом был полный: везде менты шныряют, а всех наших, когда допросили, на кухню согнали. Велели сидеть, не высовываться. Но туалета-то в кухне нет, а мне приспичило как раз. Я и пошла тихонько... Мимо гостиной шагаю, а там Кривцов, и с ним какой-то чин милицейский. Важный, похоже. Ну, и дверь приоткрыта. Святое ж дело: разнюхать, что к чему. Я остановилась, конечно. Слушаю. Только у них там разговор совсем не про убийцу шел. Слышу, Кривцов говорит этому чину: мол, на все вопросы, какие мог, я ответил и убедительно прошу – чтобы вся дальнейшая возня меня не касалась. Ну, мент, естественно, рожу скривил, бурчит грозно так, что следствие есть следствие и препятствовать ему никто не вправе. А Кривцов в ответ: да вы не поняли, мол! Я не про следствие. Просто больше слышать об этой Павлючковой не хочу. И уж тем более ее родственникам о смерти сообщать или похороны организовывать... Я, говорит, занят, жена – тоже, да и Лизочка уже и без того вся на нервах. Не хватает нам только, чтоб родня этой няни сюда заявила.

Забирайте, типа, тело, все вещи ее – и чтоб забыть о Павлючковой.

– А что мент? – заинтересовалась Маша.

– Сначала не хотел, конечно, – усмехнулась Кася. – Его, типа, задача убийцу искать. А с родственниками безутешными он общаться не обязан – это работодателей дело. Но только ж у Кривцова свой аргумент есть. Я сама видела: неслабую такую пачку «зеленых», естественно, менту протянул, чтоб компенсировать хлопоты. Тот, ясное дело, хапнул. И отработал, врать не буду, добросовестно. Сначала тело забрали, потом криминалисты уехали. И в тот же вечер еще какие-то парни явились, все Настькины вещи в сумки побросали и увезли. А мне Кривцов велел ее комнату до блеска вылизать, чтоб на убийство и ни намека. А на следующий уже день там новая няня жила. Временная, из агентства... А нам Кривцов сказал: кто про Настену хотя бы упомянет – уволит тут же. И так, типа, столько хлопот из-за нее...

– Что ж. Сразу видно – деловой человек, – прокомментировала Маша.

– Это понятно, что деловой, – вздохнула Кася. – Только у Насти на Украине дочка осталась. Школьница. И мама старенькая...

– Ну, может, Кривцов им тоже как-то поспособствовал, – предположила Мария.

– Да ничего подобного! – отмахнулась Кася. – Зачем ему? Он тому менту ясно сказал: организовывай все сам, а мне

про Настю не напоминай. Хотя она тут почти пять лет работала. И Кривцов, если в духе, всегда на нее сироп лил: и вы наш ангел-хранитель, да спасибо вам большое, да вы Лизочке больше, чем мама. Так что, – закончила горничная, – когда хозяин тебя хвалить будет, ты, конечно, кивай и притворяйся, что рада. Но, если что случится, имей в виду: возиться с тобой не будут. Мигом вышвырнут. Как рваную половую тряпку. Поняла?

– Поняла, – вздохнула Мария. И тепло улыбнулась горничной: – Спасибо тебе, Кася.

Но та лишь усмехнулась:

– Не стоит благодарности. Я просто указание хозяина выполняю...

– Какое?

– Ну, присмотреть за тобой, ввести в курс дела. Но выручать тебя не стану. Тут, у Кривцовых, свой закон. Каждый сам за себя.

* * *

Что хуже – открытая рана или крошечная, почти незаметная заноза?

Елена Кривцова знала ответ с раннего детства. Когда была еще нищей, никому не нужной девчонкой, но уже поставила себе цель вскарабкаться к самым вершинам. Тогда и поняла: очевидное заболевание излечить на самом деле проще. И от

явного врага избавиться легче. И вообще гораздо удобнее, когда проблема – вот она, во всей своей очевидности и красе. Сразу мобилизуешь все силы, бросаешь на ее решение все умение и просто не даешь себе расслабиться.

А заноза не болит себе и не болит. И жить особенно не мешает. Но только именно такие неприметные и безобидные ранки часто и вырастают в самые наимогущественные гнойники. Ахватишься, возьмешься наконец вскрывать – может оказаться, что уже и поздно... Сепсис, кома и смерть.

Вот и сейчас Елену Кривцову беспокоила именно такая, едва саднящая болячка. И она даже понять не могла – где эта зараза прячется.

На работе неприятностей, крупных и мелких, конечно, вагон, но ничего абсолютно неразрешимого нет. Муж устроил ей безобразную сцену, но к этому Елене тоже не привыкать. С любимой дочкой, Лизой, контакта как не было, так и не предвидится. И это вроде давно не новость... Но где же тогда проблема, где?..

Логического решения сей задачи Елена найти не могла. Но интуиция все же подсказывала: заноза, досадная мелочь, кроется где-то дома... Но что не так? Кто-то из персонала – проверенного, хорошо оплачиваемого и в меру запуганного – начал сливать информацию? Журналистам, налоговикам, кому угодно?.. Возможно. Только что они особенного могут знать, все эти горничные, поварихи, охранники?

Или, допустим, что-то не так с новой няней? Она, конеч-

но, поспешила нанять ее на работу – очень уж временные няни надоели. Взяла эту Машу почти не раздумывая, без кастинга. Девчонка, правда, Елене понравилась – шустрая, хваткая, ее саму в молодости напоминает. И аттестации ей Евгения Юрьевна дала самые лестные, и с Лизой они, кажется, с первого дня поладили. Но вдруг эта вся из себя идеальная Мария столь внезапно появилась в их семье совсем неспроста? И что-то затевает? Только из какой оперы? Похитить ребенка, потребовать выкуп? Да нет, смешно... Не похожа она на преступницу. И на журналистку, решившую внедриться в их семью, тоже никак не тянет.

Или, может быть, никакой занозы и нет? И всему виной убийство Анастасии?.. Тут каким железным человеком ни будь, но встречать в собственном доме, в своей крепости, смерть всегда тяжело. До сих пор в ушах Лизин крик стоит. Девочка ведь на пороге няниной спальни стояла, когда с трупа одеяло откинули, Володин, зараза, не усмотрел. А там такое... У ребенка настоящая истерика была, врача пришлось вызывать. Да Елена и сама с содроганием вспоминает: обнаженное, уже начавшее синеть тело с перерезанными наискось венами.

Но только убийство – это всего лишь убийство. Впечатляет и не более того. Павлючкова ведь им никто: не сват, не брат, просто наемный работник. И нельзя сказать, что Елену так уж потрясла гибель няни. Она никогда особенно не была привязана к ней. Наоборот: та ее раздражала. Суетли-

вая, услужливая, пугливая – только брови нахмуришь, сразу в панику ударяется... Елене, как любому руководителю, конечно, нравилось, когда ее боялись. Но боялись хотя бы отчасти равные ей, типа начальника отдела маркетинга или пиарщика, а не какие-то несчастные украинки.

А еще больше раздражало, что Настя с Лизой ладила куда лучше, чем она, мать. Понятно, конечно, что ребенок тому и послушен, кто с ним время проводит. Но все равно обидно, что Лизочка с няней и постоянно какими-то детскими секретами делилась, и хохотала с ней заливисто, а у самой Елены с дочкой даже поговорить не получалось толком. Девчонка сразу как-то вся зажималась, «да», «нет», «не знаю», «мам, можно я уже пойду?».

А теперь Лиза и с этой новой, Марией, уже, по словам мужа, и смеяться начала, и играют они самозабвенно... Обидно. Столько сил было потрачено, чтобы этого ребенка родить, только дочь, получается, почти и не твоя.

Теоретически можно, конечно, бросить работу, хотя бы на год, и попробовать наладить с дочкой контакт. Но только стоит ли терять время, упускать перспективы? Елена, конечно же, сумеет приручить Лизу и даже подружиться с ней – но надо ли ей это? Таскаться с ребенком по скучным детским спектаклям, читать примитивные книжки, наряжать целлулоидных кукол, пичкать ее кашей, следить, чтобы не свалилась с качелей, выслушивать наставления врачей... и по истечении года самой превратиться в клушу – подобную мно-

гим здесь, на Рублевке? Пашут, как рабыни, а мужья над ними еще и изгаляются – что на шее сидят мертвым грузом. Сейчас-то ее Макар хотя бы уважает, а брось она свой бизнес – совсем изведет.

Нет, стать домохозяйкой, пусть даже временно, это не для нее.

Но вот почаще бывать дома, наверно, придется. С целью обнаружить, что идет не так.

И на следующий день после ссоры с мужем Елена решила *отработать* семейный вечер.

Вернулась с работы в восемь. Ох, какое же возникло искушение отправиться спокойно поужинать одной, в любимом белом кабинете, у камина... Однако Елена вышла в гостиную. Пригласила к столу Лизу.

Та по привычке дичилась, отвечала односложно. Но Елена в этот раз твердо решила: она не сорвется на крик, как частенько бывало раньше. И давить на ребенка не станет. И даже совсем не обязательно разговаривать с девочкой о разных золушках да куклах. В конце концов, у Елены на работе, в ее клубах, кукол тоже хватает – только живых, взрослых.

– Как у тебя день прошел, Лиза? – ласково поинтересовалась мать.

Дочь метнула в нее неприязненный взгляд. Буркнула:

– Нормально.

И уткнулась в тарелку.

Елена сделала вид, что не заметила грубости. Спокойно

продолжила:

– А у меня представляешь что сегодня в клубе было? Настоящая сказка. Пришла к нам заниматься одна принцесса. Самая настоящая. У нее папа в одной африканской стране король, честно...

В Лизиных глазах вспыхнули искорки интереса.

– И вот отправилась эта принцесса на аквааэробику. Это, знаешь, когда...

– Знаю, – перебила Лиза. – Когда толстые тетки в жилетках спасательных в бассейне прыгают.

Ну, вот, уже нечто похожее на контакт.

– Да, – кивнула Елена. – Но только тетки все при этом плавать умеют. А наша принцесса не умела. И у нее спасательный жилет вдруг растянулся...

– Утонула? – ахнула девочка.

– Нет, – улыбнулась Кривцова. – На ее счастье, в бассейне, только на другой дорожке, плавал принц. Тоже настоящий. С золотистыми волосами и со своим замком. Здесь, у нас, на Рублевке. И он увидел, что прекрасная девушка тонет, а все кругом растерялись, бросился к ней и спас!

– И они что, поженились? – уставилась на нее Лиза.

«Ну, принц-то наш не дурак, – мелькнуло у Кривцовой. – За ним девчонки давно охотятся, какие только способы не изобретали. И эта, что тонуть решила, еще не самый оригинальный метод придумала...»

Но ответила, конечно, совсем другое:

– Конечно, они поженятся. А мы с тобой, если захотим, пойдем к ним на свадьбу. Там будет огромный торт, и фейерверк, и тебе мы сошьем красивое платье – даже лучше, чем у невесты...

– ...И журналистам вместе будем позировать, – закончила Лиза.

Вот засранка!

Но, раз уж взялась играть новую роль, нужно оставаться в ней до конца. И Елена лишь улыбнулась:

– Ну что ты, милая? Разве бывают журналисты в настоящих сказках?..

– А, – отмахнулась Лиза. – Сказки – это вообще вранье.

– Неужели? А я думала, ты их любишь, – удивилась Кривцова.

Лиза же только вздохнула:

– Раньше любила. А теперь – нет.

И совсем уж тихонько добавила:

– Потому что в сказке никого по-настоящему не убивают.

И Тишка мой обязательно бы ко мне вернулся...

Отодвинула тарелку, глаза наполнились слезами...

– Лизочка... – ласково начала Елена. Потянулась к дочери – пожалеть, обнять.

Но девчонка со звоном оттолкнула тарелку, выскочила из-за стола. Глаза полыхнули злобой. Она выкрикнула:

– Отстань от меня!

Елена, сдерживаясь из последних сил, кротко спросила:

– Почему? Я тебя разве обидела?

Но отвечать дочь не стала – выбежала из гостиной.

А Елена еще долго сидела над остывающим ужином. Ох, как все непросто... И за единственный семейный вечер отношения, конечно, не склеишь. Но приезжать каждый день домой к восьми? И продолжать терпеть дочкины выходки?!

Нет, этого она не переживет.

Хотя подход к дочке найти нужно. Обязательно.

* * *

Выбрать для Лизы подарок было задачей нелегкой. Никакой фантазии не хватит, когда у девочки и так есть все, что пожелает. Одних кукол (горничная Кася однажды не поленилась пересчитать) СТО ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ штуки. А для них и посуда, и кровати, и будуары, и крошечные шкафчики, заполненные нарядами. Хочешь куколку причесать – пожалуйста вам, игрушечная парикмахерская, все как положено: и кресла регулируемые имеются, и расчески всех фасонов. А если что у целлулоидной красавицы заболит – добро пожаловать в больничку, точную копию настоящей.

Книг полные стеллажи (впрочем, читать Лиза так и не научилась, хотя азбук, самых разных авторов, у нее тоже с десятков). А еще многочисленные наборы каких-то специальных кубиков, мозаик, пирамидок, и каждая вещица что-нибудь да развивает, Елена в этом не разбиралась.

Кривцова давно перестала покупать к возвращению домой очередную игрушку. Ребенка все равно уже ничем не удивишь, да и времени нет бродить по детским магазинам и гадать, не попадешь ли ты с очередной куклой впросак – вдруг у Лизы уже такая имеется?..

Но сегодня Елена решила обязательно сделать дочке подарок. Да такой, чтоб даже у пресыщенной Лизочки глаза радостно засияли. Как сияли вчера – когда Елена рассказывала ей сказку про Золушку, переложенную на современный лад... Может, купить билеты на какое-нибудь очередное детское представление? Но Лиза, кажется, все достойное уже посетила – Настя водила ее по театрам регулярно. Зоопарк? Глупо. С тем, что они в Таиланде видели, все равно не сравнить. Или, может быть, просто городской парк? Покататься вместе на «чертовом колесе», поплавать в разохшейся лодке по зацветшему пруду?.. Так Сашка-охранник же исстрадается – что техники безопасности в таких местах никакой и она ребенка риску подвергает. Запретить не вправе, конечно, но не отпустит их от себя ни на шаг.

«А может, – вдруг осенило Елену, – дочери нового Тишку купить – вместо того, пропавшего? Хорошенького белого котенка?..»

Конечно, даже если очень похожего найдешь, Лиза все равно кочевряжиться начнет: мол, не такой, как был. Но на то ведь ей, Елене, и даны мозги – чтоб сопроводить свой подарок какой-нибудь трогательной историей. Чтоб девчон-

ка выбросила наконец из головы и старую игрушку – и все неприятные воспоминания, что с ней были связаны...

Ни в какие детские бутики Елена заезжать не стала – по пути домой тормознула у обычного рынка. Нашла палатку с игрушками, быстро выбрала нового Тишку в ряду криво скроенных китайских собратьев. Выглядел котенок, прямо скажем, безобразно: глаза почему-то розовые и язык неправильной формы, будто его мыши погрызли. Зато *история*, кажется, придумалась удачная: это, мол, Тишкин брат, но он еще совсем маленьким убежал от мамы и потерялся. Долго скитался, голодал – пока его не приютила стая дворовых кошек. Он вместе с ними мерз, охотился за мышами и прятался от собак – поэтому и выглядит куда хуже, чем холеный Тишка. Но теперь наконец нашелся и возвращается домой. И если Лиза в своей парикмахерской вымоет и расчешет ему шерстку, то он станет совсем красавцем.

...Елена, за рулем своего «Лексуса», с увлечением придумывала все новые и новые детали кочевой Тишкиной жизни и живо радовалась каждой удачной идее. Да что это такое с ней сегодня? Обычно-то по пути домой мыслями она все равно на работе. В крайнем случае обдумывает планы на отпуск или куда отправиться на воскресный бранч с подругой. А тут – прямо-таки в детство впала. Неужели наконец проснулся пресловутый материнский инстинкт? Или же просто слова дочери задели? «Отстань от меня». Слишком грустно звучит. И, конечно, никак нельзя допустить, чтобы

они с родной дочерью друг от друга *отстали*.

...Пробок сегодня оказалось немного. «А то б я целую сагу про этого нового Тишку сочинила», – мелькнуло у Елены. У ворот своего особняка она оказалась всего-то в начале девятого – уже второй вечер возвращается словно примерная жена...

Как обычно, метров за пятьдесят, вдавила кнопку на пульте открытия ворот. И, как обычно, проклятые железяки не сработали. У них с воротами теперь морока – с тех пор, как Кривцов велел поставить вместо обычных узорчатые, кованые, как в старинных усадьбах. Выглядит эффектно, конечно, но только скромное старье всегда открывалось безропотно, а эти – слишком тяжелые, наверно. То и дело подводят, несмотря на самый наимогущественный мотор.

Елена притормозила у входа и еще раз вдавила кнопку пульта. Никакой реакции. Даже не шевельнулись, и специальный фонарик на столбе не мигнул. А куда, интересно, смотрит охрана? У ворот, вообще-то, дежурка, а в ней – мониторы, а перед ними специальный человек. Один Костик, а как второго зовут, Елена все время забывала. Не видит, что ли, охранник: хозяйка подъехала? Ждет, чтоб она сигналить начала?..

Что ж – Елена вдавила клаксон.

Однако ворота по-прежнему выглядели неприступными. И охранник не показывался – хотя бы сказать, что он ее видит и немедленно примет меры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.